

ГОРБУН
И
ИДИОТ

Сергей Галактионов

Сергей Галактионов

Горбун и идиот

<https://litres.ru/74111243>

SelfPub; 2026

Аннотация

Главный герой — лучший наёмный убийца в мире. Красавец, гений, любимец женщин. Поскользнулся на куске мыла в собственной ванной. Умер.

Очнулся — горбатым карликом-оруженосцем в XIII веке. Хозяин — рыцарь с внешностью бога и мозгами табуретки. Замок разваливается. Герцог хочет их убить. Крестьяне бунтуют. Повар ворует. А единственное оружие горбуна — нож, наглость и двести семнадцать способов ликвидации, бесполезных в теле ростом метр тридцать.

Но Гримо не привык проигрывать. Даже с горбом. Даже без пистолета. Даже в мире, где туалетную бумагу ещё не изобрели.

Чёрная комедия о попаданце, который не спасает мир — а просто пытается выжить рядом с самым тупым рыцарем Франции.

Содержание

Пролог: Коварство лаванды	4
Глава 1: Инвентаризация в аду	6
Глава 2: Урбанистика из навоза и палок	15
Глава 3: Анатомия средневекового утра	26
Глава 4: Любовь, кровь и кислый эль	40
Глава 5: Нож в печень — рыцарю легче	58
Глава 6: Путь домой, или Как не сдохнуть от скуки	74
Глава 7: Столица, которая воняет громче всех	89
Глава 8: Турнир дураков	105
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Сергей Галактионов

Горбун и идиот

«В мире полном рыцарей в сияющих доспехах — самым опасным оказался карлик в грязной рубахе.»
— Из хроник дома Бомон, которые никто никогда не писал

Пролог: Коварство лаванды

Алексей Волков, позывной «Призрак», считал себя человеком, которого невозможно удивить. Он видел, как падают диктаторы, как горят нефтяные вышки в океане и как плавится бетон под ударами «Солнцепека». Его жизнь была выстроена по линейке: подъем в 5:00, три тысячи калорий, чистка оружия, изучение планов эвакуации. Он знал сорок способов убить человека столовой ложкой и три — с помощью обычного листа бумаги.

Он только что вернулся из Мехико. Контракт закрыт, цель ликвидирована, заказчик доволен. Впереди был месяц в Москве — в его крепости из стекла и стали на 42-м этаже, где единственной опасностью был риск пережарить стейк рибай.

Алексей стоял в душе. Горячая вода смывала пыль Латинской Америки. Он вышел на полированный мрамор ванной комнаты, вытирая голову полотенцем. И тут вмешался хаос.

Его бывшая пассия — модель с замашками эзотерика — оставила на бортике ванны «крафтовое, органическое мыло ручной работы с маслом лаванды и частицами гималайской соли». Эта скользкая дрянь, стоящая три тысячи рублей за кусок, соскользнула на пол прямо под правую ногу Алексея.

Рефлексы, натренированные десятилетиями, сработали против него. Вместо того чтобы просто упасть, Алексей попытался скомпенсировать наклон, выкинул ногу вперед, зацепился за край дорогого коврика и исполнил идеальное, но абсолютно неуместное сальто назад.

В голове пронеслась последняя тактическая сводка: «Объект: я. Угроза: гравитация. Дистанция до контакта: 15 сантиметров. Поверхность: литой чугун. Прогноз: критический».

Глухой удар затылка о борт ванны поставил жирную точку в карьере лучшего наемника мира. Никаких вспышек, никакой музыки, никакой «всей жизни перед глазами». Только тихий хруст шейных позвонков и темнота, пахнущая лавандой.

Глава 1: Инвентаризация в аду

Пробуждение было мерзким. Если смерть — это сон, то Алексею явно достался пакет «Эконом» в хостеле для грешников.

Первое, что он почувствовал — это запах. Это был не просто запах, это был физический удар по рецепторам. Пахло так, будто сто бегемотов сварили в котле с протухшей капустой, а потом заправили всё это хлоркой и старым потом.

Алексей открыл глаза. Мир был странным. Левый глаз видел кусок грязного неба, а правый — чье-то гниющее колено в железном наколеннике.

— Система, отчет... — прохрипел он, но вместо привычного голоса из горла вырвался звук, напоминающий скрежет ржавой пилы по кости.

Он попытался вскочить, используя стандартный подъем кивком, но тело выдало системную ошибку. Вместо упругого рывка его спина отозвалась такой резкой, тягучей болью, что он едва не потерял сознание снова.

Алексей замер, медленно выдохнул и начал первичный осмотр.

Тактический анализ тела:

1. Габариты: Уменьшены вдвое. Руки короткие, ладони широкие, покрытые мозолями и грязью.
2. Позвоночник: Критическая деформация. За спиной

ощущается огромный, пульсирующий тяжестью нарост. Горб. Вес — около десяти килограммов лишней костной ткани.

3. Зрение: Косоглазие. Правое глазное яблоко смещено к виску. Периферийный обзор увеличен, фокус на цели затруднен.

4. Снаряжение: Грязная холщовая рубаха, вонючие кожаные штаны, один сапог.

— Твою же дивизию... — проскрипел Алексей. — Я — карлик. Я — горбатый карлик в центре исторической реконструкции.

Он огляделся. Поле боя. Но не то, что показывают в кино. Здесь не было пафоса. Была только грязь — глубокая, чавкающая смесь чернозема, крови и лошадиных испражнений. Вокруг валялись люди. Много людей. Большинство из них были мертвы, и судя по количеству мух, уже не первый час. Их доспехи — грубые кольчуги, стеганные куртки — были пробиты топорами и копьями. Никаких следов огнестрела.

В десяти метрах от него послышалось натужное кряхтение и звон металла.

Алексей — теперь он помнил, что его зовут Гримо, это имя пульсировало в мозгу как остаточная память — перевалялся на бок и увидел Его.

Это был Рыцарь. Он сидел на перевернутой телеге, пытаюсь стащить с ноги помятый понож. Рост — под два метра. Лицо — будто сошло с плаката «Истинный ариец», если бы

ариец неделю не мылся и пил только эль. Золотистые волосы, челюсть, которой можно дробить камни, и абсолютно пустые, незамутненные интеллектом голубые глаза.

— Гримо! Вставай, косоглазый ты кусок навоза! — крикнул Рыцарь. — Хватит валяться в грязи, боги не для того спасли тебя, чтобы ты грел спиной землю!

Алексей медленно, преодолевая боль, поднялся. Балансировать было трудно — горб тянул назад.

— Милорд? — выдавил он, проверяя реакцию.

— О, заговорил! — Рыцарь Гийом де Бомон наконец справился с железкой и с грохотом швырнул её в сторону. — Я уж думал, тот удар палицей выбил из тебя остатки твоего скудного умишка. Подойди сюда и помоги мне с пряжкой. У меня руки дрожат от славной битвы!

«Дрожат они у тебя с похмелья, герой», — подумал Гримо, профессионально оценивая состояние Рыцаря. — «Зрачки расширены, координация нарушена, на шлеме вмятина размером с кулак. Сотрясение, как пить дать».

Гримо заковылял к хозяину. Каждый шаг был испытанием. Его новое тело было не просто уродливым, оно было несимметричным. Левая нога короче правой на три сантиметра, из-за чего походка напоминала танец пьяного краба.

— Ну чего ты плетешься? — Гийом потянулся к фляге, висевшей на поясе, и сделал внушительный глоток. Судя по запаху, там был не сок. — Видел, Гримо? Видел, как я снес голову тому барону? Хрясь! И его шлем покатился по полю,

как кочан капусты! Это была воля небес!

— Безусловно, милорд, — Гримо опустился на колени перед сапогом Гийома, его пальцы начали машинально работать с пряжками. Работа была знакомой — руки «помнили» узлы и ремни. — Только небеса могли направить вашу руку. И только небеса могли помочь вам проспять вторую половину битвы в этом стоге сена.

Гийом замер, фляга застыла у его рта.

— Что? Ты на что это намекаешь, уродец? Я пал в честном бою! Мой конь споткнулся о гору трупов, которые я сам же и нагромоздил!

— Конечно, милорд. Именно так я и запишу в хрониках. Если найду чернила и того, кто умеет писать.

Гримо закончил с доспехом и поднял голову. С высоты своего роста — а его голова была где-то на уровне колена сидящего Гийома — мир казался еще более угрожающим.

— Слушай, Гримо, — Гийом вдруг наклонился, и его лицо стало непривычно серьезным (что при его внешности выглядело пугающе). — У меня в голове какой-то звон. Словно ангелы бьют в литавры. Это знак, да? Знак того, что я должен совершить еще один подвиг сегодня?

«Это знак того, что у тебя гематома в затылочной доле», — подумал Гримо.

— Это знак, милорд, что нам нужно убираться отсюда, пока мародеры не решили проверить, сколько золотых зубов у такого славного рыцаря.

— Мародеры! — Гийом вскочил, едва не сбив Гримо с ног. — Презренные псы! Пусть приходят! Мой меч... кстати, где мой меч?

Гримо вздохнул и указал пальцем в кучу кишок в трех метрах от них.

— Он там, милорд. Вы использовали его как опору, когда вас... э-э... подташнивало после битвы.

Пока Рыцарь возился с оружием, Гримо провел быстрый тактический анализ периметра.

Сектор А (Север): Лес. Идеально для засады.

Сектор Б (Запад): Дорога на город. Слишком открыто.

Сектор В (Юг): Пять фигур на горизонте. Не всадники.

Пехота. Двигаются цепью. Профессиональные падальщики.

— Милорд, — голос Гримо стал сухим и резким. — Прекратите любоваться своим отражением в луже крови. У нас гости. Пятеро. Вооружены тесаками и крючьями. Дистанция — триста метров. Время до контакта — две минуты.

Гийом моргнул.

— Дистанция? Метры? О чем ты болтаешь, Гримо?

— Вон те мужики идут нас резать, — перевел Гримо на доступный.

Рыцарь посмотрел в указанном направлении.

— А! Наемники! Смерды! Я проучу их! — Он схватил меч, который был покрыт подозрительной субстанцией, и попытался встать в героическую позу.

Гримо понял, что если он доверит бой этому сотрясенно-

му красавцу, их обоих прикопают здесь же. Но сам он драться не мог — его руки едва доставали до собственных колен, а координация была на уровне годовалого ребенка.

— Милорд, слушайте меня внимательно, — Гримо схватил Гийома за край кольчуги и дернул вниз. — Боги говорят со мной прямо сейчас. Они говорят: «Гийом, не пачкай свой благородный меч об эту шваль. Используй хитрость».

— Хитрость? — Гийом нахмурился. — Хитрость — это для торговцев и... для тебя.

— Именно! Слушайте план. Вы сейчас ложитесь на телегу и прикидываетесь мертвым. Очень величественным мертвым. А когда я крикну «Аллилуйя», вы вскакиваете и орете как одержимый. Остальное — моя работа.

— Это... это странный план, Гримо. Но раз боги просят... Гийом улегся на телегу, приняв позу святого мученика. Гримо быстро огляделся. На земле валялась разбитая склянка с чем-то маслянистым и пук сухой соломы.

Мародеры приблизились. Это были классические подонки тринадцатого века: зубы через один, одежда из обносков с трупов, в глазах — только жажда наживы.

— Опа! Гляди-ка, — сказал старший, щербатый детина с мясницким крюком. — Рыцарская тушка. Совсем свежая. И горбатый недоносок в придачу. Эй, ты! А ну пошел вон, пока я не сделал тебе второй горб спереди!

Гримо скорчил самую дебильную мину, на которую был способен его косоглазый фейс.

— О, господа! О, добрые воины! — запричитал он, припадая на одну ногу. — Помогите! Мой хозяин... он не просто умер! Он проклят! На нем — Синяя Лихорадка! Смотрите, он уже раздувается!

Мародеры замерли. В те времена слово «лихорадка» действовало лучше, чем пулемет.

— Врешь, урод! — неуверенно сказал щербатый.

— Клянусь горбом! — Гримо незаметно чиркнул кремнем, который нашел в кармане, над соломой, пропитанной маслом из склянки. Солома вспыхнула ярким, вонючим синим пламенем. — Смотрите! Дух болезни выходит из него!

Гримо заорал что есть мочи:

— АЛЛИЛУЙЯ!!!

В ту же секунду Гийом, который только и ждал команды, подпрыгнул на телеге. Его лицо, испачканное грязью и кровью, в свете синего пламени выглядело по-настоящему демоническим. Он издал такой утробный, пьяный рев, что даже вороны на деревьях попадали в обморок.

— ИЗЫДИТЕ, ПСЫ!!! — проорал Гийом, размахивая мечом.

Мародеры не стали дожидаться продолжения. Для суеверного сознания средневекового человека синее пламя и вскакивающий «мертвец» были однозначным сигналом к немедленной эвакуации. Они ломанулись через грязь так, будто за ними гнался сам Сатана на мотоцикле.

Гийом стоял на телеге, тяжело дыша.

— Ха! Видел, Гримо? Видел, как они бежали? Мой голос испугал их больше, чем тысяча клинков!

Гримо потушил остатки соломы сапогом.

— Безусловно, милорд. Ваша харизма — это оружие массового поражения. А теперь, пока они не сообразили, что Синяя Лихорадка не пахнет ламповым маслом, давайте найдем наших коней.

Через полчаса они уже ехали по лесной тропе. Гийом сидел на огромном дестриэ, гордо выпрямив спину, хотя его периодически пошатывало. Гримо плелся сзади на мохнатом пони, который ненавидел весь мир и Гримо в частности.

Спина болела нещадно. Каждый шаг пони отдавался в горбу тупой, пульсирующей болью. Алексей Волков, бывший спецназовец, убийца и любимец женщин, смотрел на широкую спину своего идиота-хозяина и думал.

Он думал о том, что в этом мире нет антибиотиков, нет кофеина, нет туалетной бумаги. Зато здесь есть золото, власть и огромное количество людей, которые умрут просто потому, что они не знают, что такое тактика флангового обхода.

«Ладно», — подумал Гримо, почесывая блошиный укус на шее. — «В прошлой жизни я был киллером. Здесь я буду... продюсером. Я сделаю из этого дурака короля, а из этого мира — свою игровую площадку. И первым делом я найду способ помыться».

— Гримо! — крикнул Гийом, не оборачиваясь. — А как боги узнали, что мне нужно именно кричать?

— Они сказали, милорд, что ваш голос подобен трубам Иерихона. Только еще громче и бессмысленней.

— Красиво сказано! — Гийом довольно кивнул. — Запиши это. Когда найдешь чернила.

Гримо вздохнул. Впереди был город. И там, он знал, его ждала первая настоящая проверка — таверна, любовные интриги Гийома и, скорее всего, очередная куча дерьма, из которой ему придется вытаскивать своего сиятельного дебила.

Но теперь у него была цель. И горб. И, черт возьми, это было даже весело.

Глава 2: Урбанистика из навоза и палок

Путь до ближайшего города занял четыре часа, которые Гримо с удовольствием вычеркнул бы из памяти, если бы не острая, пульсирующая боль в пояснице, которая работала лучше любого архива. Езда на пони для горбуна — это не путешествие, это изощренная пытка, придуманная инквизитором-садистом. Каждый шаг копыта отдавался в деформированном позвоночнике так, будто кто-то забивал раскаленные гвозди между лопатками.

Гийом ехал впереди, покачиваясь в седле своего огромного дестриэ и фальшиво напевая балладу о какой-то деве, чьи очи сияли ярче звезд, а верность была тверже стали. Судя по тексту, дева в финале всё равно умерла от чумы, что в этих краях считалось вполне логичным и даже оптимистичным хэппи-эндом.

— Гляди, Гримо! — Рыцарь победно указал перчаткой вперед. — Сент-Аман-ле-О! Город тысячи огней и десяти тысяч кувшинов с элем!

Гримо прищурился, стараясь сфокусировать свой блуждающий левый глаз. Представшая его взору картина вызвала у бывшего спецназовца когнитивный диссонанс. «Город тысячи огней» на поверку оказался скоплением серых камен-

ных коробок, облепленных деревянными пристройками, которые держались исключительно на честном слове и многолетних слоях грязи. Над зубчатыми стенами поднимался густой, жирный дым, а ров вокруг города больше напоминал открытый септик, в котором плавали вещи, о происхождении которых Гримо предпочел не задумываться.

Тактическая оценка объекта:

Тип: Укрепленное поселение феодального типа. Фортификация: Каменные стены высотой около 6 метров, состояние — среднее. Обороноспособность: Уязвимы ворота и сливные отверстия канализации. Уровень биологической угрозы: Максимальный. Вероятность подхватить холеру при вдохе: 95%.

— Милорд, — проскрипел Гримо, поправляя сумку. — Судя по запаху, нас ждет не теплый прием, а сеанс массовой дезинфекции, которой здесь еще не изобрели. Вы уверены, что нам нужно именно туда?

— Оставь свои страхи, мой маленький Квазимодо! — Гийом хохотнул, похлопав коня по шее. — Там нас ждет горячее мясо, мягкое сено и девки, чьи объятия заставят тебя забыть о твоём кривом хребте!

«Мой хребет заставит меня забыть даже собственное имя раньше, чем я доберусь до этих девок», — подумал Гримо, но вслух лишь кротко кивнул.

У ворот их встретила стража — двое доходят в ржавых шлемах, которые опирались на алебарды так, будто те были

их единственными костылями в этой жизни. Увидев Гийома, один из них лениво поднял руку.

— Имя, звание, цель визита? — прогнусавил стражник, ковыряя в зубах грязной щепкой.

Гийом выпрямился, его доспехи (те части, что не были в крови) гордо блеснули на солнце.

— Сир Гийом де Бомон! Победитель при Черном Броде, сокрушитель черепов и верный слуга короны! Я прибыл, чтобы потратить золото, осушить ваши подвалы и, возможно, набить тебе морду, если ты не уберешь эту зубочистку!

Стражники мгновенно преобразились. В тринадцатом веке титул «сир» и тяжелый меч на бедре работали лучше любого дипломатического паспорта.

— Проезжайте, благородный господин! Просим прощения! Таверна «Сломанный кабан» к вашим услугам, лучший эль в провинции!

Они въехали внутрь. Если снаружи город пах плохо, то внутри он пах концептуально. Это был концентрат из запахов дубильных мастерских (моча и гниль), кузниц (копоть и сера) и общественных стоков, которые здесь представляли собой просто канавы посреди улицы. Гримо видел, как из окна второго этажа какая-то женщина непринужденно вылила содержимое ночного горшка прямо на мостовую, едва не задев проходящего мимо монаха. Монах даже не обернулся, лишь привычно перекрестился.

— Культурный шок, — пробормотал Гримо. — В моем

мире за такое закрыли бы весь квартал на карантин. А здесь это просто «вторник».

Они остановились у «Сломанного кабана». Это было массивное двухэтажное здание, из которого доносился шум, подозрительно напоминающий начало массовой драки. Гийом спрыгнул с коня с такой легкостью, будто на нем была не кольчуга весом в двадцать килограммов, а спортивный костюм.

— Принимай коней, Гримо! И не забудь проверить овес, — бросил он, уже направляясь к дверям. — Встретимся внутри. Если кто-то будет обижать — укуси его за пятку!

Гримо остался один на один с двумя уставшими животными и толпой прохожих, которые смотрели на него с нескрываемым отвращением. В их глазах он видел не человека, а дурное предзнаменование или просто забавного уродца, которого можно пнуть ради смеха.

К нему направился местный конюх — детина с лицом, напоминающим неотесанную колоду, и кулаками размером с голову Гримо.

— Эй, обрубок! — гаркнул конюх. — Уводи своих кляч, места в стойлах только для благородных господ, а не для карликов-переростков.

Гримо медленно повернул голову. Его левый глаз привычно ушел в сторону, создавая эффект пугающего безумия.

— Слушай сюда, — голос Гримо стал тихим и холодным, как сталь ножа. — Этих коней привез человек, который толь-

ко что убил тридцать наемников и сейчас очень хочет пить. Если через пять минут они не будут вычищены и накормлены лучшим овсом, я объясню своему хозяину, что ты назвал его кобылу «старой калошей». А он очень чувствителен к оскорблениям своей собственности. Понял, или мне повторить по слогам, если ты, конечно, знаешь буквы?

Конюх поперхнулся словами. Взгляд Гримо — взгляд человека, который видел смерть столько раз, что она стала его старой знакомой — не вязался с телом уродца. Детина попятился.

— Ладно, ладно... чего ты сразу... Сделаем всё в лучшем виде.

«Первое правило спецназа в средние века: если ты маленький — будь страшным», — отметил про себя Гримо, входя в таверну.

Внутри «Кабана» царил полумрак, густо замешанный на запахе жареного жира и кислого вина. Гийом уже сидел в центре зала, окруженный кувшинами, и громко рассказывал группе подвыпивших наемников о том, как он в одиночку разогнал полк сарацин (которых в этой части Франции отродясь не видели).

Гримо пристроился в тени у колонны. Его профессиональная привычка — всегда садиться спиной к стене и лицом к выходу — в этом теле была особенно полезна. Никто не обращал на него внимания. Для всех он был просто мебелью, деталью интерьера.

И тут появилась Она.

Её звали Марго. Она была дочерью трактирщика и, судя по всему, местным эквивалентом тяжелой артиллерии. Рост — почти с Гийома, коса толщиной с руку Гримо, и бюст, который мог бы служить отличным амортизатором при лобовом столкновении с кавалерией. Она несла четыре огромных подноса с едой, легко расталкивая плечами пьяных посетителей.

— О, небеса! — Гийом застыл, уронив кусок хлеба в кувшин. — Гримо! Ты видишь это видение? Это же богиня! Это Венера, спустившаяся с Олимпа, чтобы подлить мне эля!

Гримо посмотрел на «богиню», которая как раз в этот момент отвесила сочную затрещину какому-то бродяге, пытавшемуся ухватить её за юбку. Бродяга улетел под стол, а Марго даже не сбилась с шага.

— Милорд, — шепнул Гримо, подковыляв к столу. — Ваша «Венера» весит больше, чем вы в полных латах. И, судя по её правому хуку, она может выбить из вас дух быстрее, чем весь гарнизон этой крепости. Будьте осторожны.

— Глупости! — Гийом уже расправил плечи и принял свой самый обольстительный вид. — Женщины любят силу и благородство! Гляди и учись, мой маленький евнух!

Рыцарь встал, преградив Марго путь.

— Прекрасная дева! Мои глаза ослеплены вашей красотой сильнее, чем блеском моего меча в разгар битвы! Позвольте мне...

— Отойди, железка, — буркнула Марго, обходя его. — Не видишь, люди жрать хотят. Со своими комплиментами иди к вдове мэра, она старая и глухая, ей понравится.

Гийом на секунду опешил. Отказ был для него понятием теоретическим, как квантовая физика. Но он не сдался.

— Вы не поняли! Я — сир Гийом де Бомон! Герой войны!

— Да хоть папа римский, — Марго поставила подносы на стол и уперла руки в бока. — Золото есть? Если нет — иди в стойло к коням, там тоже много героев.

Гийом полез за кошельком, сияя улыбкой. Но тут в дело вмешался «фактор Икс».

Из дальнего угла таверны поднялась массивная фигура. Это был Пьер по кличке «Мясник». Местный авторитет, чьи руки были покрыты старыми шрамами, а фартук — свежей кровью (надеемся, коровьей). Пьер давно считал Марго своей собственностью, хотя сама Марго об этом, кажется, не догадывалась.

— Слышь, сиятельный, — Пьер подошел к Гийому, тяжело дыша ему в лицо перегаром и чесноком. — Ты чего к моей девке пристал? Шел бы ты отсюда, пока я из твоей кольчуги дуршлаг не сделал.

Гримо из своей тени мгновенно оценил ситуацию.

Объект: Пьер. Вес: 110 кг. Вооружение: Мясницкий нож на поясе. Поддержка: Трое собутыльников с дубинами. Состояние: Агрессивное, заторможенное. Шансы Гийома в пьяной драке: 30%.

— О, — Гийом обернулся к Пьеру с радостным видом. — Еще один желающий испытать на себе гнев Бомона? Друг мой, ты совершаешь ошибку! Я сегодня в хорошем настроении и не хочу убивать никого крупнее свиньи!

Пьер взревел и замахнулся огромным кулаком. Таверна мгновенно затихла — все ждали зрелища.

Гримо понял: пора работать. Если Гийома сейчас избьют, их обоих вышвырнут на улицу, и прощай горячий ужин.

Он бесшумно, как тень, скользнул под столом. В этом теле он был практически невидим — никто не смотрит вниз, когда назревает драка гигантов. Гримо видел ноги Пьера — толстые, как колонны, но стоящие неправильно. Центр тяжести смещен на правую пятку.

«Классическая ошибка дилетанта», — подумал Гримо.

В тот момент, когда Пьер начал замах, Гримо резко высунул свою кривую ногу и с силой нажал на ахиллово сухожилие мясника, одновременно подбив его левое колено. Это было сделано с хирургической точностью — удар, который не виден со стороны, но который ломает механику движения.

Пьер, вместо того чтобы ударить рыцаря, внезапно охнул. Его нога подкосилась, он потерял равновесие и, смешно взмахнув руками, полетел вперед. Его голова встретилась с краем дубового стола с сочным звуком «бум!». Мясник рухнул на пол, распластавшись как подстреленный кабан.

Гийом, который даже не успел поднять руки для защиты,

замер в героической позе. Он моргнул, посмотрел на лежащего без чувств Пьера, потом на свои кулаки.

— Видели?! — взревел Гийом на всю таверну. — Видели?! Я даже не коснулся его! Моя внутренняя сила... мой боевой дух настолько велик, что враги падают ниц от одного только намерения получить удар! Боги на моей стороне!

Наемники и горожане зашептались, боязливо крестясь. Никто не видел карлика под столом. Все видели только сияющего рыцаря и поверженного гиганта.

Гримо уже вернулся в свою тень, потирая ноющую спину. «Ну да, боевой дух. Удар об дуб — лучший экзорцизм в истории», — цинично подумал он.

Марго подошла к лежащему Пьеру, пнула его ногой и перевела взгляд на Гийома. В её глазах появилось что-то похожее на уважение, смешанное с подозрением.

— А ты не так прост, железка. Ладно, садись. Эль за счет заведения... первый кувшин.

Гийом величественно сел за стол, подозвал Гримо движением руки.

— Слышал, Гримо? Боги! Это всё они! Я чувствую, как благодать течет по моим жилам!

— Это вино течет по вашим жилам, милорд, — Гримо взобрался на скамью рядом, его косой взгляд остановился на куске жареного мяса. — И мой вам совет: не пейте слишком много. У богов тоже есть предел терпения, когда они работают за двоих.

— О чем ты? — Гийом уже вгрызся в свиную рульку. — Я — избранник! Я чувствую это! Завтра же я добьюсь сердца этой прекрасной Марго! Она сражена моей мощью!

Гримо смотрел, как Марго в другом конце зала легко поднимает за шиворот очередного пьяницу и вышвыривает его на улицу.

— Милорд, боюсь, чтобы сразить эту женщину, вам придется уронить на неё замок. Но вы попробуйте. Мне всё равно нужно проверить, нет ли в этом городе нормального мыла.

Вечер продолжался. Гийом пил и хвастался, Гримо ел и наблюдал. Он изучал лица, слушал обрывки разговоров, запоминал, кто с кем шепчется и кто кому передает кошелю под столом. Его мозг, обученный в лучшем разведцентре страны, работал на полную мощность, превращая хаотичную информацию средневековой таверны в четкую карту интересов.

Он понял, что в городе неспокойно. Ходили слухи о бандах, о коррумпированном шерифе и о том, что местный граф де Вальмор ищет наемников для какой-то «деликатной работы».

«Похоже, мой отпуск в тринадцатом веке будет насыщенным», — подумал Гримо, допивая кислый эль. — «У меня есть тупой как пробка хозяин с манией величия, тело, которое рассыпается на ходу, и целый город потенциальных целей. Но, по крайней мере, здесь не нужно платить налоги и никто не спрашивает лицензию на убийство».

Гримо посмотрел на Гийома, который уже пытался петь вместе с бродячими музыкантами, путая слова и мелодию. Рыцарь был счастлив. Он был уверен, что он — центр вселенной.

Гримо же знал, что он — всего лишь тень. Но именно тени в этом мире решали, кто доживет до рассвета.

Он сполз со скамьи и направился к выходу на задний двор. Ему нужно было найти место для ночлега, где их не прирежут во сне. И, если повезет, найти хоть какую-то замену туалетной бумаге, потому что использование пучков сухой травы — это то единственное, к чему его спецназовское прошлое его точно не готовило.

Ночь опустилась на Сент-Аман-ле-О. В таверне «Сломанный кабан» Гийом де Бомон уже спал лицом в тарелке с недоеденной кашей, видя во сне свои будущие победы. А маленький горбун в тени конюшни профессионально затачивал свой нож, глядя на звезды и гадая, как далеко отсюда до ближайшего места, где не воняет навозом.

Он еще не знал, что завтра утром за ними придут люди графа де Вальмора. И что его первая любовная линия (пусть и односторонняя) только начинается.

Гримо закрыл глаза, прислушиваясь к звукам города. Галлюцинация это или реальность — уже не имело значения.

«Работаем с тем, что есть», — была его последняя мысль перед тем, как забыться тяжелым, полным боли сном.

Глава 3: Анатомия средневекового утра

Гримо проснулся от того, что кто-то мочился ему на ногу.

Он открыл глаза — левый сфокусировался на потолочной балке, правый привычно уехал к стене — и обнаружил источник проблемы. Огромный рыжий пес, похожий на помесь волка с половой тряпкой, деловито задрал лапу над его сапогом и орошал его с видом существа, исполняющего священный долг.

— Пшёл вон, — прохрипел Гримо, пнув пса здоровой ногой.

Пёс обиженно тьякнул и затрусил прочь, оставив после себя тёплую лужу и стойкое ощущение, что даже животные в этом веке считают горбуна чем-то средним между столбом и мусорной кучей.

Гримо сел, и его позвоночник напомнил о себе такой волной боли, что в глазах потемнело. Горб за ночь затёк, превратившись в пульсирующий ком из боли и онемения. Спать на голой соломе в конюшне — это не то, к чему привыкло тело бывшего элитного киллера, даже если это тело теперь принадлежит кривому карлику.

Утренний отчёт:

Физическое состояние: Критическое. Спина — код крас-

ный. Шея — ограниченная подвижность. Блохи — приблизительно 40 единиц на квадратный дециметр тела. Моральный дух: Отсутствует.

Он выполз из конюшни на задний двор таверны. Утро в средневековом городе начиналось не с пения птиц, а с симфонии человеческого страдания. Где-то справа орал петух, которого, судя по звукам, пытались зарезать. Слева визжала свинья, которую, судя по запаху, уже зарезали. За стеной кто-то громко блевал, и этот звук на фоне колокольного звона создавал удивительно гармоничную картину средневекового рассвета.

Гримо нашёл бочку с дождевой водой и сунул в неё голову. Вода была мутной, с плёнкой какой-то дряни на поверхности, но после вчерашнего пива даже это казалось спасительной процедурой.

— Хорошо, — буркнул он, вытирая лицо рукавом. — Приоритеты на сегодня. Первое: выяснить, где мы и куда нам ехать. Второе: найти еду, которая не пытается убежать из тарелки. Третье: не дать идиоту вляпаться в очередное дерьмо. Четвёртое: найти хоть что-то, чем можно подтереть задницу, потому что вчерашний лопух оказался крапивой.

Он ковыльнул обратно в таверну. Внутри стоял густой, плотный полумрак. Утренний свет едва пробивался сквозь крохотные окна, затянутые бычьим пузырьём вместо стекла. На полу, среди разбросанных костей и огрызков хлеба, похрапывали те, кто вчера не допил или не доплатил. Среди

них, как поверженный колосс, лежал Гийом де Бомон.

Рыцарь храпел с такой мощью, что половицы под ним вибрировали. Его золотистые кудри были залиты пивом и чем-то подозрительно зелёным. Одна рука обнимала пустой кувшин, другая — деревянную ложку, которую он, вероятно, принял за кинжал во время какого-то ночного кошмара.

— Милорд, — Гримо ткнул его в бок. — Подъём.

Гийом не шевельнулся.

— Милорд! — Гримо ткнул сильнее. — Вставайте, сарацины атакуют!

Один глаз рыцаря приоткрылся. Мутный, налитый кровью, абсолютно бессмысленный.

— Сарацины? — проскрежетал Гийом голосом, который звучал как если бы кто-то тёр наждаком по ржавому якорю. — Где? Дай мне мой... мой... Гримо, где моя голова?

— На ваших плечах, милорд. Хотя, судя по всему, в ней сейчас меньше мозгов, чем в этом кувшине.

— Не дерзи... — Гийом попытался сесть, и его лицо приобрело оттенок молодой зелени. — О боже. Боже мой. Что было ночью? Я помню... я пел? Я пел?

— Вы пели, милорд. Вы также танцевали на столе, вызвали трактирщика на поединок за право жениться на его дочери, поклялись отвоевать Иерусалим до четверга и пообещали какому-то монаху построить часовню из золота. На полу.

Гийом замер. Обрывки воспоминаний проплыли по его лицу, как облака по небу — медленно, бесформенно и без

всякого смысла.

— Часовню... из золота... на полу?

— На потолке, милорд. Вы сказали, что боги хотят видеть золото сверху, чтобы было ближе к небесам. Монах заплакал от умиления.

— О... — Гийом потёр лоб. — Ну, это звучит довольно мудро, если подумать.

— Если не думать — ещё мудрее, — Гримо подсунул ему флягу с водой. — Пейте. Нам нужно двигаться. Вчера вечером я услышал кое-что интересное о людях, которые ищут одиноких рыцарей. И не для того, чтобы предложить им работу.

Гийом жадно выхлебал воду, утёр рот латной перчаткой (он, оказывается, спал в ней) и начал медленно возвращаться в вертикальное положение. Процесс занял три минуты и сопровождался звуками, которые Гримо предпочёл бы забыть.

Пока рыцарь приводил себя в порядок — а «порядок» для Гийома означал просто надеть шлем, чтобы скрыть похмельное лицо, — Гримо обошёл таверну. Ему нужна была информация, а информация в средневековье хранилась в двух местах: в церкви и на кухне.

Церковь Гримо обходил стороной — священники в этом веке имели скверную привычку видеть одержимых в каждом, кто выглядел хуже среднего, а Гримо выглядел хуже самого понятия «хуже среднего». Оставалась кухня.

Он протиснулся через узкий проход за стойкой в святая

святых любой таверны — кухню.

Здесь было жарко, дымно и страшно. Над огромным очагом висел котёл, в котором булькало нечто, напоминающее суп, если бы суп мог внушать ужас. На столе лежала туша барана, которую разделявал подросток с выражением лица серийного убийцы. В углу сидела толстая женщина и ошипывала курицу с такой яростью, будто курица лично оскорбила её мать.

Но главным персонажем кухни была Марго.

Дочь трактирщика стояла у большого деревянного чана, замешивая тесто. При свете утра она выглядела ещё внушительнее, чем вечером. Её руки — толстые, красные, покрытые мукой — месили тесто с силой, достаточной для того, чтобы расплющить череп среднего мужчины. Коса, толщиной с канат, была перекинута через плечо и периодически попадала в тесто, что Марго абсолютно не беспокоило.

— Ну? — она заметила Гримо. — Чего уставился, кривоглазый? Жрать хочешь?

— Доброе утро, госпожа, — Гримо слегка поклонился, насколько позволял горб. — Мой хозяин хотел бы позавтракать. И я тоже, если ваша щедрость распространяется на существ моего роста.

Марго фыркнула. Но в её фыркание не было злобы — скорее привычное равнодушие к уродству, которое в этом веке было таким же обыденным, как грязь.

— Садись вон туда, — она кивнула на табурет у стены. —

Дам тебе вчерашней каши. Свежая — для платящих клиентов.

Гримо сел. Каша была серой, холодной и по консистенции напоминала строительный раствор. Он взял ложку и начал есть, давая в себе рвотный рефлекс.

«В прошлой жизни я ужинал в "Пушкине" и "Нобу". Я ел фуа-гра с трюфельным соусом. Я пил Шато Петрюс урожая 85-го года. А сейчас я ем субстанцию, которую моя квартирная хозяйка в Москве побрезговала бы отдать бездомной кошке. И она мне нравится. Потому что вчера я не ел ничего».

Между ложками каши Гримо разговорил Марго. Это было несложно — женщина любила поговорить, а горбатый карлик был идеальным собеседником: он никуда не убежит, ничего не украдёт и слишком мал, чтобы представлять угрозу.

— Ваш город красив, госпожа, — начал Гримо, хотя слово «красив» в данном контексте было таким же уместным, как «ароматный» для описания свиного хлеба.

— Красив? — Марго хмыкнула. — Ты либо слепой, либо дурак. Хотя, глядя на тебя, может, и то и другое.

— Я имел в виду... стратегически красив. Стены крепкие, рынок бойкий. Сюда, наверное, много путешественников заезжает?

— Заезжает, — Марго шлёпнула тесто об стол с таким звуком, что подросток-мясник вздрогнул. — Заезжает всякая сволочь. Наёмники, купцы, монахи с блохами. И рыцари

вроде твоего, которые пьют больше, чем платят.

— А люди графа де Вальмора? — Гримо бросил это имя небрежно, как бросают камень в тёмную воду, и стал наблюдать за кругами.

Марго замерла. Её руки, секунду назад месившие тесто, остановились. Она медленно повернулась к Гримо, и в её глазах появилось нечто новое — осторожность.

— Откуда ты знаешь это имя, горбатый?

— Слышал вчера в зале. Люди болтали. Я карлик, госпожа, но уши у меня нормального размера.

Марго долго смотрела на него. Потом наклонилась и заговорила тише:

— Слушай, уродец. Я не знаю, кто ты и откуда, но если твой хозяин хочет дожить до заката, скажи ему: не лезть к людям Вальмора. Они набирают воинов. Тех, кто отказывается — находят в канаве без головы. Тех, кто соглашается — находят в канаве без головы, но через полгода.

— Какая оптимистичная перспектива, — Гримо доел кашу. — А сам Вальмор? Он здесь?

— Нет. Он в своём замке, за два дня пути. Но его люди — здесь. Четверо. Они пришли вчера и заняли комнаты наверху. Один из них — рыжий, со шрамом через лицо. Он вчера спрашивал о твоём рыцаре.

Гримо замер. Ложка с кашей застыла на полпути ко рту.

— Спрашивал? Что именно?

— Имя, титул, сколько людей. Я сказала, что не знаю. Но

Пьер... ну, тот, которого твой хозяин «уложил» вчера... Пьер работает на них. Он бегает с поручениями. И когда он очнётся, он расскажет им всё.

Тактическая переоценка ситуации: Четыре вражеских агента на втором этаже. Информатор (Пьер) скомпрометирован и мотивирован мстью. Объект защиты (Гийом) — в состоянии тяжёлого похмелья и полной боевой неготовности. Время до компрометации: Минимальное.

— Спасибо, госпожа, — Гримо сполз с табурета. — Каша была восхитительна. А теперь, если вы не возражаете, мне нужно спасти жизнь моему идиоту, прежде чем он успеет умереть от похмелья или от ножа в печень.

Марго посмотрела ему вслед, покачала головой и вернулась к тесту.

— Странный ты горбун, — пробормотала она. — Странный.

Гримо нашёл Гийома у колодца. Рыцарь пытался набрать воды, но вместо этого уронил ведро внутрь и теперь стоял, тупо глядя в тёмную дыру, как будто ожидая, что ведро вернётся само.

— Оно не вернётся, милорд, — сказал Гримо, подходя. — Гравитация работает только в одну сторону. Во всяком случае, в этом веке.

— Гри... Гримо? — Гийом обернулся. На свету его лицо было цвета сыворотки, а под глазами залегли тени такой глубины, что там можно было прятать золото. — Мне кажется,

я умираю. Это отравление? Меня отравили враги?

— Это называется «похмелье», милорд. Враги тут ни при чём. Вы сами себя отравили вчера вечером. Четырежды. Но у нас есть проблема посерьёзнее.

Гримо коротко изложил ситуацию. Четверо людей Вальмора наверху. Пьер-информатор. Необходимость немедленной эвакуации.

Гийом слушал, и по мере рассказа его лицо проходило через несколько стадий: непонимание, раздражение, ярость, снова непонимание.

— погоди, — он поднял руку. — Ты хочешь сказать, что какие-то подлые псы следят за мной, сиром Гийомом де Бомон? За мной?!

— Именно, милорд.

— И ты предлагаешь мне... бежать?!

— Я предлагаю вам совершить стратегическое перемещение в более выгодную позицию, милорд. Это совершенно разные вещи. Стратегическое перемещение — это то, что делают великие полководцы. Бегство — это то, что делают крестьяне. Вы же не крестьянин?

Гийом задумался. Слово «стратегическое» звучало красиво и непонятно, а значит — по-рыцарски.

— Хм. Стратегическое перемещение... Это как когда Карл Великий отступил от Ронсевалья?

— Именно так, милорд. Только без трагической гибели Роланда. Если, конечно, мы поторопимся.

Следующие двадцать минут Гримо работал в режиме, который его инструктор по спецназу называл «тихая эвакуация». Он собрал их скудные пожитки, вывел лошадей через чёрный ход конюшни, заплатил конюху последний день за молчание (и добавил обещание сломать ему нос за болтовню), и упаковал Гийома в седло, несмотря на его протесты.

Самым сложным было пройти мимо кухни. Марго стояла в дверях, скрестив руки на груди.

— Уезжаете?

— Стратегическое перемещение, — ответил Гримо.

— Ага. Ну, удачи, горбатый. И скажи своему красавчику — он мне должен за три кувшина и сломанный табурет.

Гримо посмотрел на неё. В утреннем свете, без полумрака таверны, Марго была не красивой — нет, красота в этом веке измерялась иными мерками, — но она была настоящей. Крепкой, цельной, как дубовая балка. И она единственная предупредила его об опасности.

— Госпожа, — Гримо чуть наклонил голову. — Вы единственный человек в этом городе, от которого не несёт предательством. Это... редкость. В любом веке.

Марго моргнула. Потом фыркнула.

— Иди уже, кривоглазый. И не подыхай на дороге. Мне некому будет отдавать вчерашнюю кашу.

Они выехали через западные ворота за минуту до того, как на втором этаже таверны открылась дверь и рыжий человек со шрамом через лицо спустился вниз, спрашивая, куда

делся рыцарь с гербом Бомонов.

Дорога к поместью Бомон шла через лес. Настоящий средневековый лес — не те причёсанные парки, которые Алексей видел в Европе двадцать первого века. Это была стена из дубов и вязов, такая плотная, что солнце не пробивалось сквозь кроны. Тропа была узкой, заросшей папоротником, и на каждом шагу из-под копыт выскакивали то ужи, то крысы.

Гийом ехал впереди, мурлыча под нос что-то о «прекрасной деве, чьи бёдра широки, как долина Роны». Похмелье, кажется, прошло — или было вытеснено привычным состоянием радостной тупости.

— Гримо! — позвал рыцарь, не оборачиваясь.

— Да, милорд?

— А ты когда-нибудь был влюблён?

Гримо едва не свалился с пони.

— Что, простите?

— Влюблён! Чувствовал ли ты, как сердце горит, как замок, подождённый вражеским требуше? Когда дыхание перехватывает, а в штанах становится тесно от благородных чувств?

Гримо закрыл глаза. Его мозг выдал серию флэшбэков: Наташа из Москвы, рыжая, с ногами от ушей. Карла из Рио, которая двигалась так, что у Алексея плавильсь предохранители. Юлия, жена какого-то олигарха, которая тайно приезжала к нему в пентхаус по средам и пятницам.

Он открыл глаза и посмотрел на свои кривые, покрытые

бородавками ладони.

— Нет, милорд, — тихо сказал он. — Я никогда не был влюблён. Не в этом теле.

— Ну конечно! — Гийом хохотнул. — Кто бы полюбил... ну... тебя? Без обид, Гримо, но ты выглядишь так, будто бог слепил тебя из остатков, когда уже устал. Но не грусти! Может быть, когда-нибудь какая-нибудь слепая вдова с хромой ногой обратит на тебя внимание!

— Спасибо за поддержку, милорд. Вы настоящий друг, — Гримо произнёс это абсолютно ровным тоном. Ирония пролетела над головой Гийома, как арбалетный болт над окопом.

— Всегда пожалуйста! Я — щедрая душа! А вот я, Гримо... я влюблён. В Марго! Эта женщина! Эти руки! Этот голос, который пробирает до костей! Я вернусь за ней, клянусь святым Панкратием! Я увезу её в своё поместье и сделаю... ну, кем-нибудь!

— Она вас убьёт, милорд.

— Какие глупости!

— Она буквально весит больше вас. Я видел, как она подняла бочку с пивом одной рукой. Вы уверены, что хотите делить с ней постель? Один неудачный поворот во сне — и вам конец.

— Гримо! — Гийом обернулся, сияя своей фирменной улыбкой. — Любовь — это поле боя! И на этом поле я — непобедим!

«На этом поле ты ляжешь первым», — подумал Гримо. —

«Но кто я такой, чтобы мешать естественному отбору?»

Они ехали дальше. Лес становился гуще, тропа — уже. Гримо автоматически сканировал окружение, отмечая следы на земле, сломанные ветки, звуки. Его тренированный мозг работал в фоновом режиме, пока основной поток сознания был занят философским вопросом: как, чёрт возьми, он, Алексей Волков, лучший наёмник планеты, оказался в теле горбатого уродца, на вонючем пони, за спиной самого тупого рыцаря в истории, посреди леса, кишашего разбойниками и дикими кабанами?

И, что самое странное, почему ему начинает здесь нравиться?

Он отогнал эту мысль, как надоедливую муху. Впереди показалась развилка. Направо — торговый тракт, широкий и относительно безопасный. Налево — узкая тропа через болото, которая вела к поместью Бомон напрямик.

— Направо, милорд, — сказал Гримо.

— Нет! — Гийом решительно повернул коня налево. — Через болото! Так быстрее! Мой отец всегда ездил через болото!

— Ваш отец упал с лошади и утонул в этом болоте, милорд.

Гийом замер.

— Он... нет, он погиб в бою!

— Простите, милорд. Конечно, в бою. С болотом. Направо?

Пауза. Скрип шестерёнок в голове Гийома.

— Направо, — мрачно согласился рыцарь. — Но только потому, что я хочу полюбоваться видами! Не потому что ты прав!

— Разумеется, милорд. Я никогда не бываю прав. Это ваша привилегия.

Они свернули направо. Гримо позволил себе тень улыбки. Маленькая победа, но в его нынешнем положении каждая маленькая победа была на вес золота.

Впереди ждало поместье Бомон. И всё, что с ним связано: мать рыцаря, его сестра Изольда, интриги, заговоры и, если повезёт, каша, которая будет чуть теплее вчерашней.

Гримо пришпорил пони. Маленький, злобный зверь недовольно фыркнул и прибавил шагу. За его спиной остался город, от которого несло навозом и предательством. Впереди было будущее, от которого несло навозом и неизвестностью.

Но у Гримо был план. Точнее, у него было намерение составить план. А для бывшего спецназовца намерение — это уже половина победы.

Вторую половину он рассчитывал украсть.

Глава 4: Любовь, кровь и кислый эль

Дорога до поместья Бомон заняла два дня. Два дня тряски на злобном пони, два дня пьяных баллад Гийома и две ночи под открытым небом, в обнимку с комарами размером с воробьёв.

Первую ночь они провели у костра на опушке леса. Гримо, используя навыки выживания, разложил огонь за четыре минуты, выбрав сухой валежник и укрыв кострище от ветра камнями. Гийом наблюдал за этим с таким видом, будто смотрел на чудо Господне.

— Гримо! — воскликнул рыцарь, когда пламя весело затрещало. — Как ты это делаешь? Ты просто потёр камни, и — раз! Огонь! Это же... магия?

— Это трение кремня о кресало, милорд. Основы физики. Камень бьёт о железо, искра попадает на сухой мох, мох загорается. Никакой магии.

Гийом нахмурился, переваривая информацию. Процесс был почти слышен — как если бы в старом механизме сдвинулось с места заржавевшее колесо.

— Нет, — наконец заключил он. — Это магия. Просто ты не знаешь, что это магия. Боги действуют через тебя, Гримо. Через твои кривые маленькие ручки. Это... это трогательно,

если подумать.

Гримо посмотрел на свои «кривые маленькие ручки», покрытые мозолями и бородавками. В прошлой жизни эти руки (другие, длинные, сильные, с ухоженными ногтями) могли разобрать и собрать снайперскую винтовку за тридцать секунд. Могли удержать руль спорткара на скорости двести пятьдесят. Могли расстегнуть лифчик одним движением пальцев, даже в полной темноте, даже задом наперёд.

А теперь они с трудом удерживали ложку.

— Конечно, милорд, — тихо сказал Гримо. — Боги. Через мои ручки. Как скажете.

Он подбросил веток в огонь и вытащил из сумки кусок вяленого мяса, который стянул с кухни таверны. Мясо было жёстким, как подмётка, и пахло так, будто корова, из которой его сделали, умерла не от ножа мясника, а от глубокой старости и разочарования в жизни. Гримо отрезал кусок своим ножом — единственным оружием, которое он имел, — и начал жевать, параллельно выстраивая в голове карту окрестностей.

Стратегическая обстановка:

Позади — город Сент-Аман. Четыре агента Вальмора, один информатор (Пьер). Вероятность преследования: Средняя. Впереди — поместье Бомон. Неизвестная обстановка. Возможные угрозы: Внутрисемейные конфликты, экономический коллапс, отсутствие нормальной еды. Ресурсы: Один тупой рыцарь, один злобный пони, один нож и

нечеловеческое терпение.

Гийом тем временем устроился на куче листьев, положив голову на седло, и уставился в небо.

— Гримо, — сказал он вдруг, и его голос был непривычно тихим. — Ты когда-нибудь думал о смерти?

Гримо чуть не подавился мясом.

— Что, простите?

— О смерти. О том, что ждёт нас за последней чертой. Рай? Ад? Вечный пир в чертогах Господних?

Гримо медленно прожевал кусок и сглотнул.

— Милорд, я думал о смерти больше, чем вы думали о чём-либо вообще. Но сейчас меня больше волнует вопрос, доживём ли мы до завтрака. Ложитесь спать. Я покараулю.

— Покараулишь? — Гийом удивлённо приподнял голову. — Ты? Но ты же... маленький. Тебя любой волк сожрёт и даже не заметит.

— Волк подавится моим горбом, милорд. Поверьте, я — самая невкусная добыча в этом лесу. Спите.

Гийом усмехнулся, закрыл глаза и через тридцать секунд захрапел с интенсивностью промышленной лесопилки. Гримо остался один на один с ночью.

Ночь в тринадцатом веке — это не романтический полумрак из кинофильмов. Это абсолютная, непроглядная темнота, прорезаемая только огнём костра. За пределами его света мир превращался в чёрную стену, из которой доносились звуки: шорохи, треск веток, уханье совы, далёкий вой

волков. Для средневекового человека каждый из этих звуков был голосом демона, призрака или лесного духа.

Для Гримо это была знакомая обстановка. Он провёл десятки ночей в засадах, в лесах Чечни, в джунглях Колумбии, на крышах сирийских городов. Темнота была его рабочей средой. Только раньше у него был прибор ночного видения и автоматический пистолет. А теперь — косоглазие и кухонный нож.

Он сидел, привалившись спиной к дереву, и слушал. Его мозг автоматически фильтровал звуки, отделяя природные от потенциально опасных. Около полуночи он услышал то, что заставило его напрячься: мерный топот копыт, далёкий, но приближающийся. Два всадника. Идут рысью, не галопом — значит, не спешат, но знают, куда едут.

Гримо бесшумно (насколько позволяло кривое тело) переместился к краю поляны и присел за кустом. Всадники прошли по тропе в двадцати метрах от них, не заметив костра — Гримо специально выбрал место в ложбине, скрытой от дороги. В свете луны он разглядел два силуэта: один крупный, в кольчуге, второй — поменьше, в тёмном плаще. На рукаве крупного тускло блеснул герб, который Гримо не разглядел, но запомнил форму — что-то похожее на птицу.

Всадники проехали мимо и растворились в темноте. Гримо вернулся к костру.

«Патруль? Разведка? Или просто путешественники?» — размышлял он. — «Неважно. Любой, кто передвигается но-

чью в полных доспехах, не едет на ярмарку за ленточками. Запомним и учтём».

Он просидел до рассвета, подбрасывая ветки в огонь и думая о том, что в этом мире, лишённом спутниковой связи и баз данных, информация — самая ценная валюта. И что он, горбатый карлик, которого никто не замечает, имеет к этой валюте неограниченный доступ.

На второй день пути они увидели поместье.

Замок Бомон стоял на невысоком холме, окружённый рвом, который больше напоминал заросшую канаву. Это был не королевский дворец и даже не баронская крепость — скорее укреплённый дом, обнесённый каменной стеной высотой в два человеческих роста. Квадратная башня-донжон возвышалась над остальными постройками, как кривой зуб над дёснами. Стены были покрыты мхом и трещинами, деревянные надстройки покосились, а над воротами висел герб Бомонов — два скрещённых меча на синем поле, — нарисованный с таким мастерством, будто художника били палкой, пока он работал.

— Дом! — Гийом привстал в стременах, раскинув руки. — Дом, Гримо! Чувствуешь этот запах?

— Чувствую, милорд. Это навоз из вашего свинарника. И, кажется, горелое сено.

— Это запах родины, невежда! Запах земли моих предков!

«Твои предки, судя по запаху, активно удобряли эту зем-

лю собственными телами», — подумал Гримо, но вслух промолчал.

Ворота были открыты. Стражи не было — вернее, стражей был одинокий старик с алебардой, который крепко спал, привалившись к стене. Гийом проехал мимо него, даже не заметив. Гримо отметил для себя: «Система безопасности: нулевая. Любой желающий может войти, выйти и вынести всё серебро, если оно тут есть».

Двор был маленьким и грязным. Куры бродили среди луж, свинья с поросятами расположилась прямо у входа в донжон, а из кузницы в дальнем углу доносился ритмичный звон молота. Несколько слуг — все одинаково грязные и одинаково настороженные — подняли головы при виде хозяина.

— Де Бомон вернулся! — крикнул кто-то, и по двору прокатилась волна вялого оживления. Люди начали подходить, кланяться, что-то говорить. Гийом восседал на коне, сияя, как начищенный медяк, и раздавал благословения направо и налево, будто был не мелким рыцарем, а как минимум папой римским.

Гримо сполз с пони и тихо встал в стороне. Его никто не приветствовал. На него смотрели так, как смотрят на вещь, которая вернулась вместе с хозяином — с безразличием и лёгким отвращением.

И тут из двери донжона вышла Она.

Нет, не Изольда. До Изольды Гримо ещё предстояло дожить. Из двери вышла мать Гийома — мадам Агнесса де Бо-

мон, урождённая де Клермон, вдова сира Рауля-старшего и, судя по всему, самое опасное существо в радиусе десяти лье.

Ей было пятьдесят три года, но выглядела она так, будто ей шестьдесят и каждый из этих шестидесяти лет она провела в состоянии хронического недовольства миром. Худая, прямая, как копье, с лицом, высеченным из камня, и глазами, которые могли просверлить дыру в крепостной стене. На ней было чёрное платье (она носила траур по мужу уже пять лет, хотя, по слухам, терпеть его не могла) и белый чепец, из-под которого не выбивался ни один волос.

— Гийом, — произнесла она голосом, от которого молоко скисло бы на расстоянии. — Ты жив.

— Матушка! — Гийом спрыгнул с коня и бросился к ней, раскинув руки для объятий.

— Не трогай меня, от тебя воняет, как от мёртвого осла, — Агнесса отступила на шаг, брезгливо поморщившись. — Где остальные? Где твой отряд?

Гийом замер с раскинутыми руками.

— Мой отряд... э-э... они... выполняют задание! Да! Секретное задание! Я отправил их вперёд, чтобы они... разведали... обстановку.

Гримо стоял в тени и наблюдал. Рыцарь врал с таким старанием и так бездарно, что это было почти трогательно. Агнесса смотрела на сына с выражением человека, который давно смирился с тем, что бог наградил её наследником с мозгами курицы, но всё ещё надеялся на чудо.

— Гийом, — она подняла руку, прервав его словоизлияния. — Ты потерял отряд. Я знаю. Мне прислали гонца три дня назад. Двенадцать человек. Все мертвы. А ты — жив. Как обычно.

Гийом побледнел, потом покраснел, потом снова побледнел. Его эмоции менялись так быстро, что его лицо напоминало светофор.

— Матушка, я... я сражался! Я убил...

— Ты спрятался, Гийом. Как в прошлый раз. И в позапрошлый. Но ты жив, а значит, Бомоны ещё стоят. Иди помойся. Ужин через два часа. И выгони свинью из зала — она опять нагадила у камина.

Она развернулась и ушла, оставив Гийома стоять с открытым ртом. Рыцарь постоял немного, потом повернулся к Гримо:

— Она... она рада, что я вернулся. Просто не показывает это. Так ведь, Гримо?

— Безусловно, милорд. Она переполнена радостью. Просто у вашей матушки... своеобразный способ выражения чувств.

— Да! Именно! Она всегда такой была. Сдержанная. Благородная. Это наша семейная черта.

«Ваша семейная черта — это патологическая тупость и удивительная живучесть», — подумал Гримо. — «Впрочем, последнее мне на руку».

Внутри донжона было темно, холодно и сыро. Стены бы-

ли сложены из грубого камня, между которым зияли щели, затыканные тряпьем и мхом. Пол был покрыт слоем камыша и соломы, которые менялись, судя по запаху, раз в ледниковый период. Огромный камин в центре зала дымил больше, чем грел, а вместо люстры с потолка свисала железная рама с огарками сальных свечей, покрытых толстым слоем копоти.

Вся обстановка состояла из длинного дубового стола (покрытого пятнами и порезами от ножей), двух скамей, одного кресла (для Агнессы) и кучи сундуков вдоль стен. На стенах висели два гобелена, изображавшие что-то батальное, но моль поработала над ними так качественно, что рыцари на картинах больше напоминали призраков с дырками вместо лиц.

«Четыре звезды», — мысленно оценил Гримо. — «Из ста возможных. В моём мире за такой интерьер владельца бы оштрафовали, закрыли и, возможно, расстреляли. А здесь это считается неплохим жильём для мелкого дворянина. Великолепно».

Его поселили в конуре под лестницей — буквально в чулане, где хранились дрова, битая посуда и, судя по характерным следам, мыши вели активную социальную жизнь. Тюфяк с соломой, одно шерстяное одеяло (с дырками) и деревянный чурбак вместо подушки — вот и весь «номер люкс» для личного оруженосца.

— Царские хоромы, — пробормотал Гримо, осматривая свой угол. — Не хватает только шоколадки на подушке и та-

почек. Хотя нет, тапочки тут не нужны — по этому полу лучше ходить в сапогах, чтобы что-нибудь не укусило.

Он разложил свои немногочисленные пожитки: нож, огниво, обрывок верёвки и кусок мыла, который он стащил в таверне. Мыло было его главным сокровищем. В мире, где люди мылись раз в сезон (и то по большим церковным праздникам), кусок щёлочного мыла был ценнее золота.

Гримо сидел на своём тюфяке, привыкая к темноте и запаху, когда услышал шаги. Лёгкие, быстрые — не мужские. Он напрягся, рука легла на нож.

Дверь чулана скрипнула, и в проёме появилась фигура, освещённая тусклым светом сальной свечи.

— Ты — горбун моего брата?

Голос был женским, низким и чуть хриловатым. Гримо поднял голову, сфокусировал свой блуждающий взгляд, и его сердце — то новое, деформированное, зажатое между горбом и рёбрами сердце — сделало нечто странное. Оно остановилось на полсекунды, потом ударило с такой силой, что он почувствовал пульс в горле.

Изольда де Бомон стояла в дверях, и мир вокруг неё на мгновение замер.

Нет, она не была красавицей. Не в том смысле, к которому привык Алексей Волков. Никаких модельных ног, никакого ботокса, никакого макияжа за двести долларов. Изольда была обычной. Рыжие волосы, собранные в простую косу. Бледное лицо с россыпью веснушек. Серые глаза — внима-

тельные, спокойные, чуть усталые. Простое шерстяное платье, перепачканное чернилами на рукавах, что для тринадцатого века означало одно: эта женщина умела читать и писать. Большая редкость. Опасная редкость.

Ей было лет восемнадцать. Может, девятнадцать. В этом веке, где женщины старели к тридцати и умирали к сорока, она была в самом расцвете.

— Да, госпожа, — Гримо торопливо встал, ударившись головой о низкую притолоку. — Я Гримо. Оруженосец вашего брата.

— Я знаю, кто ты, — Изольда вошла в чулан, осмотрелась и поморщилась. — Мой брат ставит тебя в свинарнике. Как обычно.

— Это не свинарник, госпожа. Это... комната с видом на лестницу и перспективой карьерного роста.

Изольда моргнула. Потом чуть приподняла уголок рта — не улыбка, а скорее тень улыбки, которая мелькнула и исчезла.

— Ты странно говоришь для горбуна.

— Горбуны бывают разные, госпожа.

Она помолчала, разглядывая его. Гримо чувствовал этот взгляд физически — не с отвращением, не с жалостью, а с чем-то, что он не сразу опознал. Любопытством. Чистым, незамутненным любопытством. Она смотрела на него, как учёный смотрит на необычный минерал — не красивый, но интересный.

— Ты давно служишь моему брату?

— Достаточно давно, госпожа, — Гримо понятия не имел, сколько «настоящий» Гримо служил Гийому. Память прежнего владельца тела давала обрывки — запахи, ощущения, смутные образы, — но не факты.

— И ты ещё жив. Это... впечатляет. Прежние оруженосцы Гийома обычно не доживали до второй кампании. У Жака, предыдущего, лошадь Гийома наступила на голову. У Тома, до Жака, Гийом случайно выбил глаз тренировочным мечом. А Мишель просто сбежал и ушёл в монастырь.

— Я слишком маленький, чтобы лошадь меня заметила, — сказал Гримо. — И слишком уродливый, чтобы меня приняли в монастырь. Так что мне приходится выживать иными способами.

Снова эта тень улыбки. И Гримо почувствовал, как что-то тёплое расплзается по его деформированной груди.

«Стоп», — приказал он себе. — «Стоп, Алексей. Ты — профессионал. Ты не влюбляешься. Ты — машина. Холодный расчёт. Она — сестра объекта охраны, элемент обстановки, источник информации. Не более».

— На, — Изольда поставила перед ним глиняную миску. В ней была каша. Горячая. С куском масла сверху.

Гримо посмотрел на миску, потом на Изольду.

— Это... мне?

— Нет, это мышам, — она развернулась к двери. — Конечно тебе. Ешь. А то сдохнешь, и Гийому придётся самому

очистить свои доспехи. Он в прошлый раз чуть не отрезал себе палец пряжкой.

Она ушла. Шаги затихли на лестнице. Гримо стоял, держа миску, и смотрел на дверной проём.

Каша была горячей. С маслом. Без плесени, без червей, без подозрительных комков.

Он сел на тюфяк. Поставил миску на колени. Взял ложку. «Это просто каша. Она просто добрая. Она даёт еду всем слугам. Ничего особенного. Ничего».

Он поднёс ложку ко рту. Каша была пшённой, с лёгким привкусом мёда. В прошлой жизни он бы не стал это есть, даже если бы ему заплатили. Здесь — это было лучшее блюдо, которое он пробовал за три дня.

«Лучшая каша в моей жизни. В обеих моих жизнях».

Он ел медленно, наслаждаясь каждой ложкой. И где-то внутри, в том месте, где у нормальных людей живёт эмоциональность, а у профессиональных убийц — холодная пустота, шевельнулось что-то маленькое и тёплое.

Гримо мысленно затолкал это «что-то» обратно, запер на замок и выбросил ключ.

«Не привязывайся», — сказал он себе. — «Ты здесь временно. Это не твой мир. Она — не твоя женщина. Ты — кусок уродства с горбом. Ешь свою кашу и думай о деле».

Он доел, вылизал миску и лёг на тюфяк. Спина заняла привычную болью.

«О деле», — повторил он себе.

Но вместо тактических планов перед закрытыми глазами стояло бледное лицо с веснушками и серыми глазами.

«Блядь», — подумал бывший лучший киллер планеты и отвернулся к стене.

Утро началось с крика.

Не с боевого клича, не с предупреждения о нападении — с визга. Высокого, пронзительного, женского визга, от которого Гримо подскочил на тюфяке, ударился горбом о потолок чулана и рухнул обратно.

— Какого... — он схватил нож и выкатился в коридор.

По лестнице, подбирая юбки, неслась кухарка — пожилая женщина с лицом, напоминающим печёное яблоко. За ней, с видом оскорблённой невинности, трусил тот самый рыжий пёс, который вчера мочился на сапог Гримо.

— Крысы! — визжала кухарка. — Крысы в кладовой! Размером с кошку! Одна укусила меня за ногу!

Гримо убрал нож. Крысы. Не враги, не убийцы — крысы. Добро пожаловать в средневековый быт.

Он спустился в кладовую — тёмное помещение под кухней, где хранились запасы продовольствия поместья. То, что он увидел, заставило его пожалеть, что он не остался в чулане.

Кладовая была разорена. Мешки с зерном прогрызены, бочки с солёной рыбой вскрыты, сыры покрыты следами зубов. И крысы — действительно огромные, откормленные, наглые твари — сидели на полках и смотрели на Гримо с вы-

ражением хозяев, которым не нравится незванный гость.

«Отлично», — подумал Гримо. — «Продовольственная безопасность поместья: ноль. Санитарная обстановка: Чернобыль. Контингент грызунов: превосходит гарнизон замка минимум в десять раз».

Он поднялся обратно и наткнулся на повара Бертрана.

Повар Бертран заслуживал отдельного описания. Это был человек, при взгляде на которого возникал один вопрос: как существо, которое так плохо выглядит, может иметь дело с едой? Бертран был толстым — не той благородной полнотой, которая говорит о достатке, а рыхлой, нездоровой массой, которая колышется при каждом шаге. Его лицо было покрыто красными пятнами (от жара очага или от ежедневного потребления вина — неизвестно), а фартук был настолько грязным, что, вероятно, мог стоять вертикально без поддержки.

— Ты! — Бертран ткнул в Гримо пальцем, жирным от сала. — Это ты крыс запустил?!

— Я? — Гримо поднял брови (вернее, бровь — правая у него была значительно выше левой). — Я запустил крыс? Бертран, я ростом с твою ногу. Как, по-твоему, я управляю армией грызунов?

— Ты — горбатый бес! Все знают, что горбуны приносят крыс! Это наказание за то, что хозяин держит в доме уродца!

Гримо стиснул зубы. В прошлой жизни за такие слова Бертран уже лежал бы на полу с переломанной челюстью. Но в этом теле, с этим горбом и этими руками, физическое наси-

лие было не вариантом. Нужна была другая тактика.

— Бертран, — Гримо подошёл ближе, его голос стал мягким и вкрадчивым. — Ты прав. Я — бес. И я знаю кое-что о тебе. Я знаю, что ты каждый вечер уносишь из кладовой кусок мяса и две горсти муки к себе в каморку. Я знаю, что ты продаёшь хозяйское вино через заднюю калитку торговцу Жаку. И я знаю, что мадам Агнесса очень интересуется тем, почему расходы на кухню выросли вдвое, а порции уменьшились.

Лицо Бертрана прошло путь от красного через белый к серо-зелёному.

— Ты... откуда ты...

— Я — горбатый бес, помнишь? Я знаю всё. И если ты ещё раз назовёшь меня уродцем, — Гримо наклонился ещё ближе и прошептал, — я расскажу мадам Агнессе о мясе, о муке, о вине и о том, что ты делал с оставшейся от ужина свиной, которую она велела отдать собакам.

— Я... я ничего такого...

— Бертран, — Гримо похлопал повара по руке с отеческой нежностью. — Мы можем быть друзьями. Друзья делятся. Например, ты делишься со мной горячей едой три раза в день. А я делюсь с тобой своим молчанием. Согласен?

Бертран сглотнул. Кадык на его толстой шее дёрнулся, как поплавок.

— Ладно... ладно. Но только не говори мадам...

— Ни слова, — Гримо улыбнулся. В его исполнении улыбка

ка выглядела примерно так же уютно, как оскал голодного волка. — А теперь иди и приготовь моему хозяину завтрак. Нормальный завтрак. С мясом. И мне тоже. Пожалуйста.

Бертран кивнул и побрёл на кухню, периодически оглядываясь на горбуна с видом человека, который только что подписал сделку с дьяволом и уже жалеет об этом.

Гримо посмотрел ему вслед.

«Второе правило спецназа: если не можешь победить силой, победи информацией. Повар — мой. Кухня — под контролем. Осталось разобраться с остальными».

Он ковыльнул к лестнице и чуть не столкнулся с Гийомом, который спускался навстречу в исподнем, с мечом в руке и с волосами, торчащими во все стороны.

— Гримо! Я слышал крик! Где враги? Кто атакует?

— Крысы, милорд. Они атаковали вашу кладовую. Враг отступил. Потери — три мешка зерна и ваш лучший сыр.

— Крысы?! Мерзкие твари! Я вызову их на бой!

— Милорд, вы не можете вызвать крыс на бой. У них нет чести. И щитов. И, к вашему сведению, их около двухсот. Я рекомендую стратегическое решение: привести кота.

— Кота?! Гримо, коты — это для женщин и священников! Бомон не нуждается в котах! Бомон нуждается в стали!

— Хорошо, милорд. Тогда зарубите двести крыс мечом. Я подожду здесь.

Гийом задумался. Потом опустил меч.

— Ладно. Приведи кота. Но большого! Чтобы он выгля-

дел... воинственно!

— Как скажете, милорд. Воинственный кот. Записал.

Гийом кивнул с видом полководца, отдавшего стратегический приказ, и ушёл завтракать.

Гримо остался в коридоре. Из кухни доносился грохот (Бертран готовил завтрак), сверху — голос Агнессы, отчитывающей кого-то за грязь, со двора — кудахтанье кур и ругань конюха.

Это был его новый мир. Грязный, вонючий, жестокий, абсурдный.

И где-то наверху, за каменными стенами, девушка с веснушками и чернильными пятнами на рукавах уже начала свой день.

Гримо вздохнул, поправил горб (привычка, которая ничего не меняла, но создавала иллюзию контроля) и пошёл искать кота.

У него было поместье, которое нужно спасти. Рыцарь, которого нужно держать в узде. Повар, которого нужно шантажировать. И крысы, с которыми нужно покончить.

Обычный день в тринадцатом веке.

«Господи», — подумал он, — «как же я скучаю по доставке суши».

Глава 5: Нож в печень — рыцарю легче

Кот нашёлся на третий день. Вернее, не кот, а нечто, что когда-то было котом, прежде чем озлобиться на весь мир и превратиться в четвероногую машину для убийства. Огромный, одноухий, рыжий зверь с половиной хвоста и шрамом через всю морду. Его левый глаз был мутным и незрячим, правый горел жёлтым огнём чистой, незамутненной ненависти ко всему живому. Местный конюх называл его Дьяволом и утверждал, что этот кот загрыз трёх собак, одного барсука и однажды напал на корову.

Гримо посмотрел на кота. Кот посмотрел на Гримо. Между ними возникло мгновенное понимание — два уродца, два изгоя, два профессионала своего дела.

— Ну здравствуй, красавчик, — сказал Гримо, протягивая коту кусок рыбы, украденный с кухни. — Ты и я — мы похожи. Нас обоих бог лепил из остатков. Но мы оба знаем, как выжить.

Дьявол осторожно принюхался, схватил рыбу, сожрал её за два укуса и ткнулся мордой в ладонь горбуна. Это был не жест нежности — скорее знак профессионального уважения от одного хищника к другому.

— Вот и договорились, — Гримо почесал кота за един-

ственным ухом. — Твоя задача — крысы в подвале. Моя задача — крысы на двух ногах. Приступай.

К вечеру первого дня Дьявол принёс на кухню четырнадцать крысиных трупов, аккуратно разложив их в ряд у порога, как охотничьи трофеи. Бертран, увидев это, побледнел и перекрестился. Кухарка завизжала. Гийом, проходя мимо, восхитился:

— Вот это я понимаю — воинственный кот! Гримо, ты нашёл настоящего рыцаря среди котов! Он... он похож на меня, только меньше и мохнатее!

«И значительно умнее», — подумал Гримо, но вслух лишь поклонился:

— Вы абсолютно правы, милорд. Несомненное фамильное сходство.

Проблема с крысами была решена за неделю. Дьявол работал методично и безжалостно, как коллега Гримо из прошлой жизни. К седьмому дню кладовая была чиста, крысы ушли в подполье, а кот занял почётное место у камина, где его боялись все, включая охотничьих собак, которые при виде Дьявола поджимали хвосты и жались к ногам хозяев.

Но крысы были лишь верхушкой айсберга. За эту первую неделю в поместье Гримо провёл полную разведку — тихую, незаметную, профессиональную.

Поместье Бомон было больным организмом. Не смертельно больным — скорее хронически. Как пациент, который кашляет уже десять лет, но врача так и не позвал.

Финансы: Гримо нашёл хозяйственные книги — точнее, пачку грязных пергаментов, исписанных таким почерком, будто курица макнула лапы в чернила и пробежалась по листу. Но цифры говорили сами за себя. Поместье получало доходы от двух деревень (около шестидесяти крестьянских семей), мельницы и небольшого виноградника. Расходы превышали доходы примерно вдвое, в основном благодаря Гийому, который тратил деньги на вино, оружие и «подарки прекрасным дамам» с регулярностью прорвавшейся водопроводной трубы.

Управление: Управляющего звали Жерве. Это был худой, юркий человек с бегающими глазами и привычкой потирать руки, как муха над куском мяса. Гримо вычислил его схему за два дня. Жерве брал с крестьян двойной налог: одну часть записывал в книги для Агнессы, вторую клал себе в карман. Классика жанра, работающая в любом веке — от Древнего Рима до Министерства финансов Российской Федерации.

Прислуга: Двенадцать человек. Повар Бертран (уже под контролем), кухарка Мод (старая, крикливая, безвредная), два конюха (один пьяница, второй глухой), садовник (работал только когда Агнесса смотрела), четыре горничные (все некрасивые, что Гримо отметил с профессиональным разочарованием), прачка (которая, судя по состоянию белья, стирала его в той же воде, в которой мыли лошадей) и старик-привратник, который спал двадцать часов в сутки и про-

сыпался только для еды.

Кадровый потенциал: Минимальный. Мотивация персонала: Отсутствует. Уровень профессионализма: Отрицательный.

Гримо составил в голове (писать он не мог — грамотного горбуна сожгли бы как колдуна) полную карту поместья, включая все входы, выходы, потайные ходы (один — из подвала через старый дренажный канал, заброшенный и засыпанный, но расчищаемый за пару часов работы), и слабые места обороны (то есть всю стену целиком).

На восьмой день после прибытия случилось событие, которое изменило расстановку сил.

Приехал дядя Тибо.

Тибо де Бомон, младший брат покойного отца Гийома, прибыл верхом на прекрасном арабском жеребце, в сопровождении четырёх слуг, одетых лучше, чем сам Гийом в свои лучшие дни. Тибо был полной противоположностью своего племянника: худой, где Гийом был широк; осторожный, где Гийом был импульсивен; тихий, где Гийом орал на всю округу.

У Тибо было лицо шакала. Не в оскорбительном смысле — в буквальном. Узкое, вытянутое, с острым носом и маленькими, глубоко посаженными глазами, которые двигались как два независимых перископа, сканируя обстановку. Его улыбка была тонкой и аккуратной — улыбка человека, который считает чужие деньги и планирует, как они станут

его собственными.

— Племянник! — Тибо раскинул руки на пороге, демонстрируя безупречные манеры и совершенно фальшивую теплоту. — Слава богу, ты жив! Когда я услышал о битве при Чёрном Броде, я не спал три ночи!

«Не спал, потому что составлял план, как забрать поместье, если Гийом подойдет», — подумал Гримо, наблюдая из своего угла.

— Дядя Тибо! — Гийом обнял его с такой силой, что у Тибо хрустнули рёбра. — Я убил тридцать человек! Или сорок! Не помню, считать было некогда!

— Конечно, мой мальчик, конечно, — Тибо деликатно высвободился из медвежьих объятий и поправил помятый плащ. — Ты всегда был храбрецом. Прямо как твой отец. Царствие ему небесное.

При упоминании отца лицо Агнессы, стоявшей у камина, стало ещё более каменным, чем обычно. Гримо отметил это.

«Интересно. Матушка не любит дядю. Это полезно».

Тибо остался на ужин. Потом на ночь. Потом на следующий день. И на следующий.

За эти дни Гримо наблюдал за ним с профессиональным интересом. Тибо был хорош — действительно хорош. Он не делал ничего открыто подозрительного. Он просто... интересовался.

— Гийом, мальчик мой, а как у тебя с деньгами? Хватает ли на содержание поместья?

— А есть ли у тебя, Гийом, завещание? На случай, если боги призовут тебя к себе раньше времени? Ведь война — дело опасное...

— Скажи, Гийом, ты не думал о выгодной женитьбе? Я знаю одну вдову... нет? А напрасно, она богата и... ну, не совсем уродлива...

Каждый вопрос был как зонд, который прощупывал почву. Гримо узнавал эту технику — он сам использовал её в прошлой жизни, когда готовил ликвидацию. Сначала собери информацию. Потом найди слабое место. Потом ударь.

На третью ночь Гримо решил действовать.

Он дождался, пока весь замок уснёт. Дождался, пока храп Гийома достигнет промышленной мощности (это служило отличным звуковым прикрытием для любой операции). И выскользнул из своего чулана.

Тибо занимал гостевую комнату на втором этаже — лучшую после хозяйских покоев. Гримо двигался по коридору бесшумно, привычно ставя стопы с пятки на носок, огибая скрипящие доски, которые он за эту неделю изучил и нанёс на свою мысленную карту. Горб мешал, тянул назад, но Гримо компенсировал это, двигаясь низко, почти на четвереньках — в темноте средневекового замка маленький силуэт был практически невидим.

Дверь комнаты Тибо была закрыта, но не заперта — замки в поместье Бомон существовали скорее как элемент декора, чем как средство защиты. Гримо осторожно толкнул дверь и

проскользнул внутрь.

Тибо спал. Его сумка — кожаная, дорогая, с медными застёжками — стояла у кровати. Гримо опустился на колени и начал работать.

Руки помнили. Даже эти кривые, маленькие руки помнили, как обыскивать вещи, не оставляя следов. Он перебрал содержимое сумки быстро и аккуратно: смена одежды, кошель с монетами (Гримо пересчитал — семнадцать серебряных денье, для младшего брата без земли это подозрительно много), бритва, кусок воска...

И письма.

Три пергамента, свёрнутые в трубки и перевязанные красной нитью. Гримо развернул первый, поднёс к лунному свету из окна и начал читать.

Чтение давалось тяжело. Язык был старофранцузским, корявым и полным сокращений. Но суть Гримо уловил быстро — его мозг был натренирован вычленять ключевую информацию из любого текста, на любом языке.

Первое письмо: От некоего «G. de V.» к Тибо. Обещание земель и титула в обмен на «содействие в решении вопроса с поместьем Бомон». G. de V. — Гримо не сомневался — Герцог де Вальмор.

Второе: От Тибо к «G. de V.». Тибо сообщает, что «мальчик глуп как пробка, матушка стара и больна, завещания нет, документы на землю хранятся в сундуке в подвале донжона».

Третье: Снова от Вальмора. Инструкции. «Добейся опеки над племянником. Признай его недееспособным. Документы на землю — мне. Получишь треть доходов и баронский титул».

Гримо перечитал каждое письмо дважды. Потом аккуратно свернул их обратно, перевязал красной нитью в том же порядке и положил в сумку. Ничего не тронуто, ничего не пропало.

Он выскользнул из комнаты и вернулся в свой чулан. Дьявол-кот лежал на его тюфяке и смотрел на него одним горящим глазом.

— Ну что, партнёр, — Гримо сел рядом, почесывая кота за ухом. — У нас проблемы. Дядюшка работает на герцога. Классическая схема: вербовка родственника, подрыв изнутри, захват активов. Я видел такое в Москве девяностых — только там вместо пергаментов были факсы, а вместо баронских титулов — акции «Газпрома».

Дьявол мурлыкнул. Гримо принял это за одобрение.

— План действий. Вариант первый: убить Тибо. Просто, эффективно, но вызовет вопросы. Вариант второй: разоблачить его перед Агнессой. Рискованно — она может не поверить горбуну. Вариант третий: стравить Тибо с Жерве и позволить им уничтожить друг друга. Классический приём. Дёшево, элегантно, никаких улик.

Он выбрал третий.

Следующие три дня Гримо работал как часовщик, настра-

ивая механизм интриги с ювелирной точностью.

Шаг первый: Он подбросил управляющему Жерве записку, написанную корявым почерком (левой рукой, чтобы не было похоже на почерк настоящего Гримо, хотя кто бы стал сравнивать — горбуны не умеют писать, это «общеизвестный факт»). В записке говорилось: «Тибо знает о твоих делишках с двойным налогом. Он хочет рассказать Агнессе, чтобы занять твоё место».

Жерве прочитал записку, побледнел и немедленно начал нервничать. Гримо видел это с расстояния — у управляющего задёргался глаз, и он стал прятать свои «тайные» книги с двойной бухгалтерией в новое место (под половицу в амбаре, которую Гримо, разумеется, тоже отметил на своей мысленной карте).

Шаг второй: Гримо подошёл к Тибо во дворе, кланяясь и шаркая ногой — полный набор подобострастия, рассчитанный на то, чтобы выглядеть максимально безобидным и жалким.

— Господин Тибо, простите ничтожного, — прошепелявил он, добавив в голос максимум заискивания. — Я... я просто хотел предупредить вас. Управляющий Жерве... он говорил обо мне ужасные вещи. Что я — бесово отродье. Но он также говорил... — Гримо понизил голос до едва слышного шёпота, — что вы, мол, приехали не просто так. Что вы хотите забрать поместье. Он сказал, что напишет мадам Агнессе письмо с обвинениями против вас.

Лицо Тибо не изменилось. Он был хорош — годы интриг научили его контролировать эмоции. Но зрачки расширились на долю секунды, и кончики пальцев побелели — он сжал руки.

— Спасибо, горбун, — сказал Тибо ровным голосом. — Я... ценю твою преданность.

— Я служу семье Бомон, господин, — Гримо поклонился и ушёл, пряча усмешку.

«Спусковой крючок нажат. Теперь ждём».

Ждать пришлось недолго. Тибо, привыкший действовать на опережение, в ту же ночь тайно встретился с Жерве в конюшне. Гримо, разумеется, был там — спрятался на сеновале, откуда был виден весь первый этаж. Его горб болел от неудобной позы, солома кололась сквозь рубаху, а рядом сопел Дьявол, который увязался за ним с упорством, достойным лучшего применения.

Разговор внизу был коротким и злым.

— Жерве, — голос Тибо был холоден. — Мне стало известно, что ты планируешь... определённые действия против меня. Я настоятельно рекомендую тебе пересмотреть свою позицию.

— Я? Против вас? — Жерве захлебнулся воздухом. — Это ложь! Кто вам такое сказал? Я верно служу семье Бомон уже пятнадцать лет!

— Верно служишь? — Тибо наклонился ближе. — А двойные книги? Думаешь, я не знаю?

Жерве замер. Потом его лицо исказилось — от страха до ярости прошла одна секунда.

— А я знаю о ваших письмах, господин Тибо. Знаю, кому вы пишете. И зачем вы приехали. Если мадам Агнесса узнает...

— Если ты откроешь рот, Жерве, ты будешь висеть на этих вот стропилах к утру.

— А если вы тронете меня, я расскажу всё!

Они стояли друг напротив друга, как два пса, оскаливших зубы, — каждый готов вцепиться, каждый боится. Идеальный пат. Именно то, что Гримо и планировал.

Но дальше случилось то, чего Гримо не предвидел.

Жерве, объятый паникой, действовал на голых нервах. Вместо того чтобы играть в долгую, он решил «обезопаситься» немедленно. В ту же ночь, пока Тибо спал, управляющий залез в подвал, вскрыл сундук с документами и забрал грамоты на владение землёй. Его план был прост и безнадежно глуп: бежать, прихватив документы и свою «чёрную кассу», и продать всё это тому, кто больше заплатит.

Гримо узнал об этом, потому что не спал. Он слышал, как скрипнула дверь подвала. Слышал шаги — торопливые, нервные, неаккуратные. И он слышал, как Жерве пробирался к чёрному ходу через кухню, где на столе лежал мешок с его «накоплениями».

Гримо перехватил его у выхода. Просто встал в дверном проёме — маленький, кривой, с горящим от свечи лицом,

которое в полутьме выглядело как маска из фильма ужасов.

— Далеко собрался, Жерве? — тихо спросил он.

Управляющий отшатнулся. В его руках был мешок, под мышкой — свиток пергамента.

— Ты! Какого чёрта! Пошёл вон, урод!

— Жерве, — Гримо не двинулся с места. — Положи документы на стол. Положи мешок. Вернись в свою комнату. И завтра утром ты уйдёшь из поместья — тихо, без скандала, без документов, и с тем золотом, которое ты уже спрятал в амбаре под третьей половицей справа.

Жерве разинул рот.

— Откуда ты...

— Я знаю всё, Жерве. Я — горбун. Я невидимый. Я слышу каждый шёпот в этом замке. Каждый скрип, каждый шаг, каждый вздох. Ты можешь попытаться оттолкнуть меня — я маленький, ты меня легко свалишь. Но через секунду после того, как ты переступишь этот порог, я закричу. И прибежит мой хозяин. Пьяный, злой, с мечом. Он не будет спрашивать, что ты несёшь и зачем. Он просто рубанёт. Потому что он так решает все проблемы.

Жерве стоял, тяжело дыша. Его глаза метались между горбуном и дверью.

— А если ты побежишь, — продолжал Гримо, — я найду тебя. Не сегодня, не завтра. Но найду. И тебе не понравится то, что будет дальше. Поверь мне, Жерве. Я не угрожаю. Я констатирую факт.

Пауза. Длинная, тяжёлая пауза, в которой было слышно, как за стеной ворочается во сне Бертран и где-то далеко воет собака.

Жерве положил документы на стол. Положил мешок. Посмотрел на Гримо последним, полным ненависти и страха взглядом.

— Ты не простой горбун, — прошептал он.

— Нет, — согласился Гримо. — Не простой.

Жерве ушёл.

Утром он исчез из поместья, забрав только свою одежду и золото из-под половицы (Гримо позволил — издержки компромисса). Тибо, обнаружив исчезновение управляющего, запаниковал. Его план держался на двух ногах: документах и человеке внутри. Человек сбежал, документы — Гримо проверил — лежали в сундуке, на месте.

Тибо уехал через два дня, сославшись на «неотложные дела в своём имении». Его улыбка при прощании была натянутой, как кожа на барабане, а глаза — холодными, как зимний ров.

Гийом обнял дядю на прощание и прослезился.

— Бедный дядя Тибо! Он так переживает за меня! Видел, Гримо, как он побледнел перед отъездом? Это от любви!

— Безусловно, милорд. От большой, всепоглощающей, жгучей любви.

«К вашему поместью», — добавил Гримо мысленно.

Вечером того дня Гримо сидел на стене замка, свесив ко-

роткие ноги, и смотрел на закат. Солнце садилось за лес, окрашивая небо в цвета, которых не бывает в городах двадцать первого века, — глубокий оранжевый, пурпурный, золотой. Воздух пах скошенным сеном и дымом из кузницы. Где-то внизу мычали коровы, возвращавшиеся с пастбища.

Было почти красиво. Если не считать мух.

Рядом с ним бесшумно возникла Изольда. Она села на стену, подогнув ноги, и некоторое время молчала, глядя на тот же закат.

— Жерве уехал, — сказала она наконец. Не вопрос, не обвинение. Констатация факта.

— Да, госпожа.

— Странно. Он служил здесь пятнадцать лет. И вдруг — уехал.

Гримо промолчал.

— И дядя Тибо уехал. Тоже странно. Он обычно гостит неделями. А тут — два дня и уехал.

— Может, его позвали дела, госпожа.

Изольда повернулась к нему. Её серые глаза были спокойными, но в них горело то самое любопытство — живое, острое, опасное.

— Гримо, ты умеешь читать?

Вопрос ударил, как арбалетный болт. Гримо почувствовал, как по спине (и без того больной) пробежал холодок.

— Нет, госпожа. Я — горбун. Горбуны не умеют читать.

— Странно, — повторила она. — Потому что вчера я ви-

дела, как ты стоял перед объявлением шерифа на рыночной площади и двигал губами. Неграмотные люди не двигают губами, когда смотрят на текст.

«Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт. Прокол. Непростительный, дилетантский прокол».

Гримо натянул на лицо самую дебильную из своих масок — ту, при которой его левый глаз уезжал к виску, рот кривился, а выражение лица становилось настолько бессмысленным, что самый подозрительный инквизитор решил бы: этот парень не способен даже считать до трёх, не говоря уже о чтении.

— Я жевал сухарь, госпожа. Он был очень чёрствый. Мои губы двигались от жевания, а не от чтения. Я даже буквы не знаю. Вот эта штука, — он нарисовал в воздухе букву «А», — для меня как... как следы от куриных лапок. Ничего не понимаю.

Изольда смотрела на него долго. Очень долго. Потом едва заметно качнула головой.

— Ты плохой лжец, Гримо.

— Я не лгу, госпожа!

— Ты лжёшь так же, как мой брат воюет — громко, бестолково и с полной уверенностью в своей правоте.

Она встала, отряхнула платье и пошла к лестнице. У двери обернулась.

— Жерве воровал у нас годами. Дядя Тибо приезжал с грамотами, которые пахли чужим воском. Теперь один сбе-

жал, другой уехал. И всё это случилось после того, как мой брат вернулся со своим «новым» горбуном, который «не умеет читать», но смотрит на людей так, будто просвечивает их насквозь.

Пауза.

— Я не знаю, кто ты, Гримо. Но спасибо. За то, что защитил нашу семью. Даже если мой брат этого никогда не узнает.

Она ушла. Звук её шагов растворился в сумерках.

Гримо сидел на стене и смотрел на первые звёзды, которые появлялись в потемневшем небе. Его сердце колотилось так, будто он только что пробежал марш-бросок с полной выкладкой.

«Она знает. Она не знает что именно, но она знает, что я не тот, кем кажусь. Это опасно. Это чертовски опасно».

Он вспомнил её лицо. Веснушки. Серые глаза. Чернильные пятна на пальцах.

«И чертовски прекрасно».

Откуда-то снизу донёсся голос Гийома:

— ГРИМО! ГДЕ МОЙ УЖИН?! И ПОЧЕМУ СВИНЬЯ ОПЯТЬ В ЗАЛЕ?!

Гримо вздохнул, слез со стены и пошёл на работу.

Бывший лучший киллер планеты. Нынешний лучший горбун в провинции.

Так начиналась его новая жизнь.

Глава 6: Путь домой, или Как не сдохнуть от скуки

Прошёл месяц.

Тридцать дней в поместье Бомон — это как тридцать лет в обычном мире, только без интернета, горячей воды и смысла жизни. Гримо вёл свою тихую, невидимую работу, латая дыры в хозяйстве, как полевой хирург латает раны — быстро, грязно и без анестезии.

Финансы были стабилизированы. Без Жерве, который сосал из поместья деньги, как пиявка, доходы и расходы наконец сошлись. Гримо, разумеется, не мог открыто заниматься бухгалтерией — грамотный горбун в тринадцатом веке вызвал бы столько же подозрений, сколько говорящая лошадь. Поэтому он действовал через Изольду.

Это было непросто. Изольда была единственным образованным человеком в поместье (не считая Гримо, который, официально, не умел даже считать до десяти). Она вела хозяйственные книги, составляла списки запасов и контролировала расходы. Гримо «помогал» ей, подбрасывая идеи в форме вопросов, которые звучали достаточно тупо, чтобы не вызвать подозрений.

— Госпожа Изольда, — говорил он, стоя рядом, пока она сидела за столом с пергаменами, — а вот мне подумалось...

если мы покупаем соль у торговца Жака за три денье за фунт, а в Мартиньяке она стоит два... может, нам стоит покупать в Мартиньяке? Я слышал об этом на рынке. От другого горбуна. Который тоже не умеет считать.

Изольда поднимала на него свой спокойный серый взгляд, в котором читалось: «Я знаю, что ты врѣшь, и ты знаешь, что я знаю». Но вслух она говорила:

— Хорошая мысль, Гримо. Для человека, который не умеет считать.

— Спасибо, госпожа. Иногда мне везёт.

Между ними установилось странное перемирие — Изольда не задавала вопросов о его прошлом, а Гримо не пытался объяснять свои «случайные» идеи, которые за месяц сэкономили поместью больше денег, чем Гийом тратил на вино за полгода.

Впрочем, Гийом о финансах не задумывался. Рыцарь проводил дни в своём обычном режиме: утром — тренировка с мечом (во время которой он чаще попадал по тренировочному чучелу, чем промахивался, что, по его мнению, было признаком «божественного мастерства»), днём — охота (с которой он возвращался либо без добычи, либо с зайцем, убитым его конём, а не им самим), вечером — пьянка у камина под аккомпанемент собственных историй о подвигах, которых не было.

Гримо сидел в своём углу и наблюдал. Это было его главное занятие — наблюдение. В прошлой жизни он мог часами

лежать в засаде, не двигаясь, дожидаясь цели. Здесь засада была постоянной, а целью — всё, что происходило вокруг.

Он изучил каждого обитателя поместья. Каждую привычку, каждую слабость, каждый секрет.

Повар Бертран боялся Гримо и исправно кормил его три раза в день. Их отношения можно было назвать «вынужденным союзом» — Бертран продолжал воровать, но в меньших масштабах, а Гримо закрывал на это глаза, получая взамен горячую еду и информацию о том, что происходит на кухне (кухня в средневековом замке — это биржа слухов, нервный центр, где сходятся все нити).

Конюх Жан, глухой старик, оказался неожиданно полезным. Он не слышал слов, но видел всё. Гримо научился общаться с ним жестами — простыми, понятными, эффективными. Жан показывал ему, кто приходил, кто уходил, кто привозил письма. Взамен Гримо приносил ему вино из хозяйских запасов (Гийом всё равно не считал бутылки).

Кухарка Мод была ходячей энциклопедией поместья. Она знала всё обо всех: кто с кем спит, кто кому должен, кто кого ненавидит. Гримо разговорил её за три вечера — достаточно было просто слушать и кивать. Для женщины, которую никто не слушал двадцать лет, внимание горбуна было как глоток воды в пустыне. Она рассказывала ему истории часами, а он фильтровал информацию, выделяя полезное и отбрасывая шелуху.

От Мод он узнал о соседях. О бароне де Клермоне, чьи

земли граничили с Бомоном на востоке — старик, скряга, но безобидный. О графине де Монфор на севере — вдова, богатая, с тремя дочерьми на выданье, которых она пыталась сбыть с рук, как залежавшийся товар на ярмарке. И о герцоге де Вальморе на западе — том самом, чьё имя стояло в письмах Тибо.

— Вальмор, — Мод понизила голос и перекрестилась, — это не человек. Это змея в человеческой шкуре. Его отец был честным рыцарем, но сын... сын не похож на отца. Говорят, он отравил двух баронов, которые мешали ему расширить земли. Говорят, у него при дворе есть алхимик, который варит яды из жаб и лунного света. Говорят...

— Мод, — мягко прервал Гримо, — а что не говорят? Что ты сама видела?

— Видела? — Мод задумалась. — Я видела его людей. Они приезжали дважды за последний год. Один раз говорили с Жерве. Второй раз — разговаривали с дядей Тибо. Оба раза — тайно, ночью. Оба раза — уезжали до рассвета.

«Итак, Вальмор работает по поместью давно. Жерве и Тибо — не единственные его инструменты. Вопрос: есть ли ещё кто-то? Кто-то, кого я пока не вычислил?»

Этот вопрос не давал Гримо покоя. Он знал по опыту: если ты видишь двух агентов, ищи третьего. Третий — всегда самый опасный, потому что он — тот, кого ты не ждёшь.

На тридцать второй день случилось событие, которое вырвало Гримо из рутины поместья и напомнило ему, что мир

за стенами замка не спит.

Прибыл гонец.

Мальчишка лет четырнадцати, грязный, мокрый (шёл дождь), на кляче, которая выглядела так, будто её украли с живодёрни. Он привёз письмо с королевской печатью.

Гийом вскрыл печать с такой торжественностью, будто открывал сундук с золотом, развернул пергамент, уставился в него и замер.

— Гримо, — позвал он через минуту.

— Да, милорд?

— Прочитай.

— Милорд, я не умею читать.

— Тогда позови Изольду. Нет, подожди. Сначала скажи мне — что здесь нарисовано? Вот этот рисунок? Это... лошадь?

Гримо осторожно заглянул в пергамент. «Рисунок» был королевским гербом — три лилии на синем поле.

— Это королевский герб, милорд.

— Королевский?! — глаза Гийома загорелись, как два маяка в тумане. — Мне пишет КОРОЛЬ?!

— Или кто-то от его имени, милорд. Позвольте, я позову вашу сестру.

Изольда прочитала письмо вслух. Её лицо по мере чтения становилось всё более напряжённым, а голос — всё более ровным (Гримо уже знал: чем ровнее её голос, тем серьёзнее ситуация).

Суть: Королевский двор объявил большой турнир в честь дня рождения наследника. Все рыцари провинции обязаны явиться, продемонстрировать верность короне и, если желают, принять участие в состязаниях. Отсутствие без уважительной причины приравнивается к неповиновению. Неповиновение приравнивается к... ну, к ничему хорошему.

— ТУРНИР! — Гийом подпрыгнул так, что ударился головой о потолочную балку. Шлем спас его от очередного сотрясения, но балка треснула. — Турнир, Гримо! Наконец-то! Я покажу им всем! Я снесу каждого противника, как...

— Как вы снесли Пьера-мясника? — тихо вставил Гримо.

— Именно! — Гийом, разумеется, не уловил иронии. — Боги на моей стороне! Я чувствую это! Мне нужны новые доспехи! И новый конь! И новый плащ! И...

— И деньги, милорд, — холодно перебила Агнесса, появившись в дверях. — Которых у нас нет.

— У нас есть честь!

— Честь не покупает овёс для коней, Гийом. И не оплачивает кузнецу за починку доспехов, которые ты умудрился помять, даже не участвуя в настоящем бою.

Гийом открыл рот, чтобы возразить, но Агнесса подняла руку — жест, который в этом доме означал: «Закрой рот, или я закрою его за тебя».

— Мы поедем, — сказала Агнесса. — Потому что не поехать — значит навлечь на себя гнев короны. Но мы поедем скромно. Ты, Гримо, я и Изольда. Никакой свиты, никакой

помпы. Мы — бедные, но гордые. Это произведёт впечатление.

— Но, матушка...

— Гийом. Ты поедешь на турнир. Ты не будешь участвовать в состязаниях. Ты будешь стоять в стороне, выглядеть красиво и молчать. Это единственное, что ты умеешь делать без последствий.

Гийом обиженно засопел, но промолчал. Даже он понимал, что спорить с Агнессой — всё равно что спорить с каменной стеной, только стена не может лишиться тебя ужина.

Гримо слушал этот разговор из своего угла и думал. Думал быстро, чётко, по-спецназовски.

Турнир. Королевский двор. Все рыцари провинции. Это значит: там будет Вальмор. Или его люди. Это значит: опасность. Но это также значит: информация. Много информации. Все враги в одном месте — мечта разведчика.

И это также значит: возможности. Если Гийом победит на турнире... нет, это невозможно. Он не может победить. Он не может попасть копьём в стену с пяти шагов. Но если подстроить... если правильно выбрать противников... если применить несколько трюков...

— Милорд, — сказал Гримо вечером, когда они остались одни. — Я думаю, вам стоит участвовать в турнире.

Гийом, который уже успел напиться с горя (мать запретила ему веселье, что для рыцаря равнялось концу света), поднял мутные глаза.

— Правда? Но матушка сказала...

— Ваша матушка — мудрая женщина, милорд. Но она не знает одной вещи. На турнире будут дамы. Много дам. Красивых, богатых, одиноких дам, которые ищут мужа.

Глаза Гийома начали проясняться. Слово «дамы» действовало на него, как нашатырь на обморочного.

— Дамы?

— Дамы, милорд. И не просто дамы — дочери баронов, графов, может быть, даже маркизов. Они будут смотреть на рыцарей. На сильных, красивых рыцарей, которые побеждают в бою. А вы, милорд... вы ведь сильный и красивый.

— Это правда, — Гийом кивнул с полной серьёзностью. — Я очень красивый.

— Представьте: вы выезжаете на арену, солнце сверкает на ваших доспехах, дамы рукоплещут, а вы... вы побеждаете. Одного за другим. Как святой Георгий побеждал дракона.

— Георгий побеждал одного дракона.

— Вы побеждали бы нескольких. Вы — лучше Георгия.

Гийом просиял.

— Гримо! Ты гений! Маленький, уродливый гений! Я буду участвовать! Плевать на матушку! Плевать на деньги! Я покажу им, кто такой Бомон!

«Идиот купился», — подумал Гримо. — «Теперь нужно сделать так, чтобы этот идиот действительно победил. Или хотя бы не умер».

— Но, милорд, — Гримо поднял палец, — для побе-

ды нужна подготовка. Серьёзная подготовка. Вы позволите мне... помочь?

— Помочь? Ты? — Гийом расхохотался. — Гримо, ты даже на лошадь залезть не можешь без стремянки! Что ты можешь знать о турнирах?

— Ничего, милорд. Абсолютно ничего. Но я могу молиться за вас. И... может быть... подсказывать мелочи. Боги шепчут мне на ухо, помните?

Гийом задумался. Потом хлопнул Гримо по плечу (горбун чуть не улетел со скамьи).

— Ладно! Шепчи, мой маленький пророк! Шепчи!

Следующие две недели Гримо готовил Гийома к турниру. Это было похоже на попытку научить медведя играть на скрипке — теоретически возможно, практически — катастрофа.

Первая проблема: физическая форма. Гийом был силён, но не тренирован. Его мышцы были результатом генетики, а не работы. Он мог рубить мечом час, но устал бы от десяти минут целенаправленных упражнений.

Гримо составил программу тренировок, замаскированную под «игры и развлечения», потому что слово «тренировка» вызывало у рыцаря аллергическую реакцию.

— Милорд, давайте поиграем! Я буду бросать в вас камни, а вы уклоняйтесь!

— Зачем?!

— Это... это древняя рыцарская традиция. Из... из Визан-

тии.

— Из Византии? А, ну тогда ладно.

Камни были маленькими и кидались аккуратно. Гийом уклонялся, ругался, падал и снова вставал. К концу второй недели его реакция заметно улучшилась — он стал двигаться быстрее и увереннее.

Вторая проблема: техника боя на копьях. Гийом держал копьё, как весло. Гримо не мог сам показать правильный хват (его руки были слишком короткими для боевого копья), но он мог объяснить принцип.

— Милорд, не нужно бить сильнее. Нужно бить точнее. Копьё — это не дубина, это продолжение вашей руки. Направьте его в центр щита противника, держите локоть прижатым к корпусу, и пусть скорость коня сделает всё остальное.

— Ты откуда это знаешь?

— Мне приснилось, милорд. Святой Панкратий показал мне во сне.

— О! Святой Панкратий! Он не оставляет нас! Отлично!

На самом деле Гримо вспомнил лекцию по баллистике, которую слушал в военном училище. Физика удара копьём и физика пули подчинялись одним и тем же законам: масса, скорость, точка попадания. Разница была лишь в том, что пуля летит сама, а копьё нужно удерживать, сидя на бешеном коне в железной банке.

Третья проблема: конь. Дестриэ Гийома — огромный же-

ребец по кличке Гром — был прекрасен, но абсолютно необучен для турнира. Он нервничал при виде толпы, ша-рахался от знамён и имел привычку кусать других лошадей, что на турнире каралось дисквалификацией.

Гримо провёл с Громом три ночи. Он не знал лошадей, но знал психологию: любое существо можно приручить, если знаешь его страхи и желания. Гром боялся флагов — Гримо повесил тряпки на палки вокруг стойла и кормил коня рядом с ними, пока тот не привык. Гром не любил других лошадей рядом — Гримо ставил его рядом с пони (которого Гром презирал, но не боялся) и постепенно подводил ближе.

К концу второй недели Гром позволял Гримо чистить себя, кормить и даже — невероятно — гладить по морде. Конь, который ненавидел всех людей, кроме Гийома, принял горбуна в свой крохотный круг доверия.

— Ты — конь, — шептал Гримо, почёсывая жеребца за ухом. — А я — горбун. Мы оба — не то, что от нас ожидают. Но мы оба — чертовски хороши в своём деле.

Гром фыркнул и ткнулся мордой ему в грудь, чуть не свалив с ног.

За три дня до отъезда произошёл инцидент.

Вечер. Гримо возвращался из конюшни в свой чулан, когда услышал голоса. Тихие, напряжённые — из-за двери камеры Бертрана.

Он замер, прижался к стене и прислушался. Горб упёрся в камень, правое плечо заныло, но Гримо не двигался. Он

умел не двигаться часами — это было частью его профессии.

— ...приедет через два дня, — говорил Бертран. — Пове- зёт вино и мясо для дороги.

— Хорошо, — второй голос был незнакомым. Тихий, скрипучий, с лёгким акцентом. — А горбун? Он подозрева- ет?

Пауза. Гримо затаил дыхание.

— Горбун... — Бертран замялся. — Горбун странный. Он... не такой, как раньше. Раньше Гримо был забитым чер- вяком. А теперь... теперь он смотрит на людей так, будто ви- дит их насквозь. И он знает про мои дела. Он меня шанта- жирует, этот маленький ублюдок.

— Он опасен?

— Он — горбун! — Бертран фыркнул. — Какая от него опасность? Я раздавлю его одной рукой.

— Не стоит его недооценивать, — сказал второй голос. — Мой хозяин не любит сюрпризов. Если горбун мешает — его можно убрать. Несчастный случай. Упал с лестницы. Прида- вило бревном. Никто не будет расследовать смерть карлика.

У Гримо похолодело внутри. Не от страха — он давно ра- зучился бояться. От осознания: третий агент. Тот самый, ко- торого он искал. Бертран. Чёртов повар, которого он считал просто жадным вором, работал на Вальмора.

«Прокол номер два за месяц. Я теряю хватку. В прошлой жизни я бы вычислил его в первый день. Здесь — расслабил- ся. Каша, коты, веснушки... чёрт».

— Когда? — спросил Бертран.

— На турнире. Там будет суета, толпа. Никто не заметит. Мой хозяин хочет, чтобы рыцарь приехал на турнир один, без своего горбуна. Без советчика.

«Вальмор знает обо мне», — понял Гримо. — «Не знает кто я, но знает, что я — фактор. Тибо рассказал. Или Жерве, перед побегом. Или оба».

— Ладно, — сказал Бертран. — Но мне нужны гарантии. Если я помогу убрать горбуна, мой хозяин обещал...

— Твой хозяин обещал тебе место управляющего в новом поместье. Когда Бомон перейдёт к герцогу. Ты получишь всё, что тебе обещано. Если сделаешь свою работу.

Шаги. Скрип двери. Незнакомец ушёл через чёрный ход кухни.

Гримо стоял в темноте, привалившись к стене. Его мозг работал на полную мощность.

Ситуация: Бертран — агент Вальмора. Готовит ликвидацию объекта (меня). Время: Турнир. Метод: Несчастный случай. Ресурсы врага: Неизвестны. Мои ресурсы: Нож, кот и запредельная злость.

Варианты действий:

1. Ликвидировать Бертрана. Минус: Некому готовить. Вызовет вопросы.

2. Разоблачить перед Агнессой. Минус: Слово горбуна против слова повара. Не поверят.

3. Использовать. Плюс: Бертран не знает, что я знаю. Он

— мой канал дезинформации. Через него я могу кормить Вальмора ложными данными.

Гримо выбрал третий вариант. Как всегда.

Он вернулся в свой чулан, лёг на тюфяк и уставился в потолок. Дьявол запрыгнул ему на грудь и свернулся калачиком, урча, как маленький мотор.

— Знаешь, кот, — тихо сказал Гримо, — в прошлой жизни я бы просто застрелил повара, закопал тело и лёг спать. А здесь приходится играть в шахматы. Без доски. С противником, которого я не вижу. Фигурами, которые не умеют ходить прямо.

Дьявол мурлыкнул.

— Но мне нравится, — добавил Гримо после паузы. — Странно, но нравится.

Он закрыл глаза. Завтра нужно было начинать новую партию. Турнир приближался, враг готовил удар, а его единственное оружие — мозги, нож и тело, которое каждое утро напоминало ему о своём несовершенстве болью в каждой кости.

«Но я жив», — подумал он. — «Я жив, и я играю. А когда я играю — я побеждаю. Всегда. Даже с горбом. Даже без пистолета. Даже в тринадцатом веке».

Снаружи, за стенами замка, ночь укрывала поместье Бомон своим чёрным плащом. Где-то вдалеке выл волк. Где-то ещё дальше, в замке герцога де Вальмора, человек в чёрном склонился над картой и провёл пальцем линию от «Бомон»

к «Турнир».

Война начиналась.

А Гримо улыбался в темноте. Потому что война — это единственное, что он умел по-настоящему хорошо.

Глава 7: Столица, которая воняет громче всех

Они выехали на рассвете четвёртого дня.

Кортеж Бомонов производил впечатление — правда, не то, на которое рассчитывал Гийом. Впереди ехал сам рыцарь на Громе, начищенном до такого блеска, что слепил глаза (Гримо потратил на это три часа и весь запас песка). За ним — повозка, в которой сидели Агнесса и Изольда, укрытые пологом от дождя. Повозку тащил мул, настолько старый и печальный, что каждый его шаг выглядел как последний. Замыкал процессию Гримо на своём злобном пони, который периодически пытался укусить мула за круп, отчего мул дёргался, повозка подскакивала, Агнесса шипела, а Изольда хваталась за борт.

Позади остался Бертран, которому Гримо поручил «охранять поместье». Повар кивнул с видом человека, которому доверили государственную тайну, не подозревая, что настоящая причина — Гримо хотел держать его подальше от себя и поближе к месту, где он мог контролировать его через конюха Жана. Старик-глухарь получил чёткие инструкции: следить за поваром, запоминать, кто приходит и уходит, и при любых странностях послать мальчишку-гонца вслед за кортежем.

Путь до столицы — города Тура — занимал четыре дня верхом. Четыре дня по дорогам тринадцатого века, которые «дорогами» можно было назвать только из вежливости. На самом деле это были канавы, заполненные грязью, конским навозом и обломками телег тех, кто не доехал. Колеи были такой глубины, что в них можно было похоронить мелкого крестьянина стоя.

Гримо ехал и наблюдал. Он видел Францию тринадцатого века такой, какой она была на самом деле, — не рыцарские замки и прекрасных дам, а бесконечные поля, перемежаемые жалкими деревушками из пяти-шести хижин, крытых соломой. Крестьяне, которые работали на этих полях, выглядели так, будто их создал бог в плохом настроении из материала третьего сорта: сгорбленные, беззубые, одетые в тряпье, с лицами, покрытыми язвами и грязью. Дети бегали босиком по грязи, и Гримо заметил, что каждый третий ребёнок хромал, кашлял или имел какой-нибудь дефект.

«Средняя продолжительность жизни — тридцать пять лет», — вспомнил он данные из какого-то документального фильма, который смотрел в прошлой жизни, лёжа на диване в своём пентхаусе. — «Детская смертность — пятьдесят процентов. Единственное обезболивающее — молитва и эль. И эти люди считают себя венцом творения».

На вторую ночь они остановились в монастырской гостинице — единственном месте между деревнями, где можно было переночевать, не опасаясь быть ограбленным (теорети-

чески — монахи тоже грабили, но хотя бы молились за жертву после). Монастырь был маленьким, бедным и пропахшим ладаном, который не мог перебить запах двадцати немытых монахов, живущих в замкнутом пространстве.

Гийома поселили в гостевой келье — крошечной комнате с каменным ложем и распятием на стене. Агнессу и Изольду — в другой такой же. Гримо, как обычно, получил место в конюшне.

— Милорд, — сказал Гримо перед сном, — напоминаю: завтра мы проезжаем через земли барона де Монтиньяка. Он — вассал Вальмора. Будьте осторожны и, прошу вас, не пейте ничего, что вам предложат незнакомцы.

— Гримо, ты параноик, — Гийом зевнул, стягивая сапоги. — Кто станет травить Бомона? Я — герой! Меня все любят!

— Вас любят так сильно, милорд, что некоторые готовы отправить вас на небеса, чтобы вы были ближе к тем богам, которые вас так обожают.

— Красиво сказано! Запиши... а, ты не умеешь. Ну, запомни.

Гримо запомнил. Он также запомнил лицо монаха-при-вратника, который слишком внимательно изучал герб Бомона на повозке. И слишком быстро отвернулся, когда поймал на себе взгляд горбуна.

«Информаторы Вальмора», — пометил Гримо в своей мысленной базе данных. — «Даже в монастырях. Этот герцог серьёзнее, чем я думал. Он строит сеть. Как професси-

онал».

Ночью, когда монастырь погрузился в тишину, нарушаемую только храпом Гийома (который проникал сквозь три каменные стены), Гримо выскользнул из конюшни и обошёл монастырь по периметру.

Он нашёл то, что искал, в кладовой за часовней. Монах-привратник разговаривал с человеком в тёмном плаще. Разговор был тихим, но Гримо, прижавшись ухом к стене (благо его маленький рост позволял прятаться за бочками), уловил обрывки:

— ...Бомон едет на турнир... с ним мать, сестра и горбун... нет охраны...

— Хорошо. Передай Г.В., что объект в пути. Прибудет через два дня.

«Г.В. Герцог де Вальмор. Они отслеживают наше передвижение. Значит, на турнире нас ждут. И ждут не с цветами».

Гримо вернулся в конюшню, лёг рядом с пони (который, кажется, уже смирился с его присутствием и даже перестал пытаться откусить ему ухо) и начал составлять план.

У него было два дня до турнира. Два дня, чтобы подготовиться к тому, что его будут пытаться убить. Два дня, чтобы защитить идиота-рыцаря, который искренне верил, что мир его любит. Два дня, чтобы разобраться в расстановке сил при дворе, найти союзников и нейтрализовать угрозы.

Для обычного человека это было невозможно. Для горбу-

на — тем более.

Для Алексея Волкова, позывной «Призрак», — просто очередной рабочий день.

Тур — столица провинции — показался на горизонте к вечеру четвёртого дня. И Гримо, который думал, что уже привык к средневековому «урбанизму» после Сент-Амана, понял, что ошибался.

Тур был не просто городом. Тур был Городом. Каменные стены высотой в десять метров, четырнадцать башен, шесть ворот и кафедральный собор, шпиль которого, казалось, протыкал облака. Город раскинулся на обоих берегах Луары, соединённых каменным мостом, на котором стояли дома, лавки и даже часовня. Население — около двадцати тысяч человек, что для тринадцатого века было мегаполисом масштаба Нью-Йорка.

Но главное — запах. Если Сент-Аман пах как деревенский нужник, то Тур пах как промышленный нужник, помноженный на бойню, дубильную мастерскую и рыбный рынок в августе. Концентрация человеческих и животных отходов на квадратный метр была такой, что Гримо на секунду серьёзно задумался о том, не лучше ли было остаться в поместье и позволить Бертрану его убить — по крайней мере, это было бы быстро.

— Великолепно! — Гийом раскинул руки, вдыхая полной грудью. — Тур! Жемчужина Франции! Чувствуешь этот аромат, Гримо? Это — цивилизация!

— Это аммиак, серная кислота и фекальные массы двадцати тысяч человек, милорд. Но да, это тоже разновидность цивилизации.

— Ты вечно бурчишь, Гримо. Расслабься! Мы в столице! Здесь нас ждут слава, дамы и лучшее вино в провинции!

— И люди, которые хотят нас убить, милорд. Но кого это волнует, правда?

У ворот была очередь. Десятки повозок, всадников и пешеходов стояли, дожидаясь, пока стража проверит каждого. Турнир привлёк людей со всей провинции: рыцарей с оруженосцами, торговцев с товарами, жонглёров, проституток, нищих, карманников и шпионов — хотя последние, разумеется, выглядели как все остальные.

Гримо использовал время ожидания продуктивно. Он слез с пони и «случайно» затерялся в толпе — маленький, горбатый, незаметный. За двадцать минут он обошёл ближайшие повозки, послушал разговоры, заглянул в лица и составил предварительный отчёт.

Обстановка у ворот:

— Рыцари: Около тридцати, прибыли за последние два дня. Настроение — от бравады до явной нервозности. Многие — с полными свитами, что говорит о деньгах и амбициях.

— Торговцы: Преимущественно оружейники и ткачи. Цены завышены вчетверо — классическая инфляция военного времени.

— Подозрительные элементы: Трое. Мужчина в сером плаще у третьей повозки — профессиональный наблюдатель, глаза двигаются по заученной схеме. Женщина у колодца — слишком красива для простолюдинки, руки без мозолей, осанка танцовщицы или бойца. Мальчишка-подросток возле стражи — передаёт записки, получает монеты.

Гримо вернулся к повозке, где Агнесса сидела с выражением лица, которое могло бы заморозить Луару посреди июля.

— Где ты шлялся? — спросила она, не глядя на него.

— Проверял колесо повозки, мадам. Оно скрипит.

— Оно скрипит потому, что ему двадцать лет и его никто не чинил. Как и всё в нашем поместье.

Изольда сидела рядом с матерью, молча разглядывая город. Её серые глаза двигались медленно, внимательно, впитывая детали. Гримо поймал себя на мысли, что она сканирует обстановку почти так же, как он сам, — только без тактической подготовки.

Их взгляды встретились на секунду. Изольда чуть приподняла бровь — молчаливый вопрос: «Ну что?» Гримо едва заметно качнул головой — «Потом».

Этот безмолвный диалог длился меньше секунды, но Гримо почувствовал странное тепло в груди. Впервые за долгое время у него был кто-то, кому он мог доверять. Не полностью, конечно — он не доверял полностью даже самому себе, — но хотя бы частично. И это было больше, чем он имел

в прошлой жизни.

«Не привязывайся», — привычно напомнил он себе.

«Заткнись», — ответила та часть его мозга, которая всё ещё помнила вкус каши с маслом.

Внутри города хаос был ещё гуще. Улицы, и без того узкие, были забиты людьми, лошадьми, повозками и свиньями. Над головами, на верёвках между домами, сушилось бельё, капая мыльной водой на прохожих. Из окон то и дело выплёскивались помои — привычная средневековая «канализация», от которой нужно было уворачиваться, как от снайперского огня.

Гийом ехал впереди, сияя улыбкой и приветствуя всех, кого видел. Горожане провожали его взглядами — красивый рыцарь на великолепном коне всегда привлекал внимание, особенно женское. Молочница в дверях лавки покраснела и уронила кувшин. Жена пекаря высунулась из окна и помахала рукой. Даже монашка, шедшая с опущенными глазами, подняла взгляд на секунду и снова опустила, но её щёки стали такого цвета, который не предполагался для монахинь.

— Видишь, Гримо? — Гийом обернулся, сияя. — Меня любят! Народ любит своего рыцаря!

— Народ любит зрелища, милорд. А вы — зрелище. Но давайте сначала найдём жильё, а потом будете покорять сердца.

Жильё оказалось проблемой. Все таверны и постоянные дворы были забиты — турнир привлёк столько народу, что

люди спали на чердаках, в конюшнях и даже под мостом. Гримо обошёл шесть заведений за час, везде получая один ответ: «Всё занято, урод, вали отсюда».

На седьмой попытке ему повезло. Маленький постоянный двор на окраине, принадлежавший вдове по имени Перонель, имел свободную комнату — вернее, два помещения: одно приличное (для рыцаря и дам) и одно, которое оптимистично называлось «комнатой для слуг», но на деле представляло собой закуток под лестницей, куда не влезал даже Гримо в полный рост.

— Берём, — сказал Гримо, не торгуясь.

Перонель — маленькая, юркая женщина лет сорока, с лисьей мордочкой и цепким взглядом — посмотрела на горбуна с профессиональным интересом.

— Монета вперёд. И скажи своему хозяину — если он сломает мебель, заплатит вдвойне.

— Мой хозяин ломает всё, к чему прикасается. Включая сердца и здравый смысл. Но платить будет исправно.

Перонель хмыкнула.

— Мне нравится твой язык, горбун. Длинный, как у змеи. Ладно, заселяйтесь.

Гримо разместил всех: Гийома — в комнату с настоящей кроватью (рыцарь немедленно рухнул на неё и захрапел), Агнессу и Изольду — за ширмой в той же комнате (Агнесса была недовольна, но выбора не было). Сам Гримо забился в свой закуток и начал обустраивать «оперативный центр».

Это звучит громко, но на деле «оперативный центр» состоял из: тюфяка, свечи, куска угля (для записей на стене, которые он потом затирает) и Дьявола, который каким-то образом проделал путь от поместья до Тура самостоятельно и появился на пороге постоянного двора, как будто всегда тут жил.

— Ты меня преследуешь, — сказал Гримо коту.

Дьявол мурлыкнул и лёг у его ног.

— Ладно. Добро пожаловать в спецоперацию «Турнир». Задачи: первое — не дать Гийому погибнуть на арене. Второе — выявить агентов Вальмора. Третье — найти способ выиграть турнир руками идиота, который путает левую сторону с правой. Четвёртое — не подохнуть самому. Вопросы?

Дьявол моргнул одним глазом.

— Вопросов нет. Приступаем.

Первый день в Туре Гримо посвятил разведке. Он выскользнул из постоянного двора на рассвете, пока все спали, и растворился в городе, как тень в тени.

Его метод был прост: стать невидимым и слушать. В этом теле — маленьком, уродливом, вызывающем отвращение — невидимость была не просто навыком, а физическим свойством. Люди не замечали горбуна, как не замечают камень на дороге или крысу в углу. Они говорили при нём свободно, не понижая голоса, потому что для них он был не человеком, а частью ландшафта.

Он обошёл рынок — огромную площадь, заваленную то-

варами: ткани, оружие, специи, рабы (да, рабы — тринадцатый век не стеснялся), лошади, птица, глиняная посуда. Послушал торговцев, которые обсуждали цены и политику. Нашёл оружейника, у которого можно было починить доспехи Гийома за разумную цену (после получаса торга, который в средневековье был не торговлей, а видом спорта).

Он нашёл площадку для турнира — широкое поле за городскими стенами, где уже устанавливали трибуны, ограждения и шатры. Рабочие таскали брёвна, плотники стучали молотками, а распорядители бегали между ними, как муравьи в горящем муравейнике.

Гримо изучил поле. Длина арены — около ста двадцати метров. Ширина — тридцать. Грунт — утоптанная земля, слегка влажная от утренней росы. С востока — трибуна для знати, с запада — стоячие места для простолюдинов. Северная сторона — шатры участников. Южная — открытый выход к реке.

«Одна точка входа, одна — выхода. Зрители — слева и справа. Солнце утром будет бить в глаза тому, кто стоит на западной стороне. Значит, при жеребьёвке нужно обеспечить Гийому восточную позицию».

Он прошёлся вдоль шатров, запоминая гербы. Большинство были ему незнакомы, но три он отметил особо:

Первый: Серебряный ворон на чёрном поле. Герб рода де Вальмор. Шатёр — самый большой, самый роскошный, с четырьмя охранниками у входа.

«Значит, герцог здесь. Лично».

Второй: Золотой лев на красном поле. Герб маркиза де Сансерр — одного из крупнейших феодалов провинции. Союзник короны, но, по слухам, ведёт свою игру.

Третий: Два скрещённых топора на белом поле. Гримо не знал этого герба, но заметил, что охрана у шатра была профессиональной — не ленивые наёмники, а обученные бойцы с внимательными глазами.

Он вернулся на постоялый двор к полудню. Гийом уже проснулся, оделся (с помощью Перонель, которая помогала ему с пряжками, бормоча ругательства) и рвался в город.

— Гримо! Мне нужно зарегистрироваться на турнир! И найти приличную таверну! И... — он понизил голос, — посмотреть на дам.

— Милорд, давайте по порядку. Регистрация — в шатре герольдов на турнирном поле. Я провожу вас. Таверну найдём по пути. А дамы... дамы будут на трибунах. Завтра. Во время турнира.

— Завтра? — Гийом скривился. — Но я хочу сегодня!

— Сегодня вам нужно выспаться, проверить доспехи, накормить коня и НЕ пить. Особенно последнее.

— Не пить?! Гримо, ты сошёл с ума! Мы в столице! Здесь лучшее вино в...

— Милорд, — Гримо подошёл ближе и заговорил тихо, интимно, так, чтобы слова дошли до единственного работающего нейрона в голове Гийома. — Представьте: завтра вы

выезжаете на арену. Тысяча человек смотрит на вас. Среди них — прекрасные дамы. Дочери баронов, графов, маркизов. Они видят вас — высокого, красивого, сияющего. И тут... вы блюёте на гриву коня. Потому что вчера выпили четыре кувшина.

Гийом побледнел. Образ был слишком ярким.

— Ты... ты думаешь, это возможно?

— Я видел это трижды, милорд. На прошлых турнирах. Рыцари, которых помнят не по подвигам, а по тому, как они облевали собственный герб.

Пауза. Долгая, мучительная пауза.

— Ладно, — Гийом сглотнул. — Один кувшин. Только один.

— Половину.

— Три четверти.

— Две трети. Финальное предложение.

— Принято!

«Переговоры с террористами — базовый курс. Работает даже в тринадцатом веке».

Регистрация прошла гладко. Шатёр герольдов был полон рыцарей, каждый из которых старался выглядеть внушительнее остальных. Гийом, надо отдать ему должное, выглядел убедительно: его рост, плечи и челюсть производили впечатление даже на бывалых бойцов. Проблемы начинались, когда он открывал рот.

— Сир Гийом де Бомон! — объявил герольд. — Ваш герб?

— Два скрещённых меча на синем поле!

— Ваши победы?

Пауза. Гийом посмотрел на Гримо. Гримо изобразил стену — абсолютно непроницаемое выражение (что при его перекосенном лице выглядело естественно).

— Мои победы... многочисленны! — Гийом расправил плечи. — Битва при Чёрном Броде! Я убил... тридцать... нет, пятьдесят наёмников!

— Пятьдесят? — герольд поднял бровь.

— Шестьдесят! — Гийом вошёл в раж. — И одного великана! Ростом с эту палатку!

Гримо за его спиной закрыл глаза и беззвучно произнёс слово, которое в тринадцатом веке ещё не придумали, но в двадцать первом оно начиналось на «п» и заканчивалось на «ц».

— Записано, — герольд черкнул что-то в свитке с видом человека, который слышал подобные истории триста раз в неделю. — Жеребьёвка — завтра утром. Номер вашего шатра — семнадцатый. Да хранит вас Бог.

— И святой Панкратий! — добавил Гийом.

— ...и святой Панкратий, — герольд вздохнул.

Они вышли из шатра. Гримо быстро огляделся — его тренированный глаз зацепился за фигуру у входа в соседний шатёр. Высокий, тощий человек в чёрном, с лицом, вытянутым как у борзой, и глазами, которые двигались с точностью механизма. Рядом с ним стоял молодой рыцарь — лет двадцати

пяти, крупный, мускулистый, с рыжими волосами и рукой на перевязи.

Человек в чёрном — герцог де Вальмор. Молодой рыцарь — его сын Гуго, тот самый, которому Тибо обещал помочь.

Вальмор смотрел на Гийома. Его взгляд был холодным, оценивающим, как у змеи, примеривающейся к мыши.

Потом его глаза переместились на Гримо.

И Гримо почувствовал, как по его деформированной спине пробежал холодок. Не от страха — от узнавания. Он узнал этот взгляд. Это был взгляд профессионала. Вальмор смотрел на горбуна не с отвращением и не с равнодушием — он смотрел с интересом. С тем интересом, с которым снайпер смотрит на цель, которая двигается не так, как должна.

«Он знает. Не знает что именно, но чувствует. Этот человек — не идиот, как мой рыцарь. Этот человек — опасен. По-настоящему опасен».

Их взгляды встретились на две секунды. Вальмор чуть наклонил голову — почти незаметный жест, который мог означать приветствие, а мог — предупреждение.

Гримо ответил своим фирменным выражением: левый глаз к виску, правый в пол, рот кривится, общее впечатление — дебил, который не понимает, где находится. Маска идиота — лучшая маска из всех.

Вальмор отвернулся. Но уголок его тонких губ дрогнул — тень усмешки.

«Он мне не поверил», — понял Гримо. — «Ладно. Зна-

чит, играем в открытую. Вернее, в полуоткрытую. Он знает, что я не так прост. Я знаю, что он знает. Он знает, что я знаю, что он знает. Классическая спираль. Добро пожаловать в мою игру, герцог».

Гримо отвернулся и поковылял за Гийомом, который уже направлялся к ближайшей таверне, нарушая обещание «не пить».

Завтра начинался турнир. Завтра решалось всё: репутация Гийома, безопасность поместья, будущее Бомонов.

И жизнь одного маленького горбуна, который знал слишком много для того, чтобы его оставили в живых.

Гримо сжал рукоять ножа под плащом и ускорил шаг, насколько позволяли его кривые ноги.

«Ничего», — подумал он. — «Я умирал и раньше. И мне не понравилось. Так что постараюсь не повторять».

Глава 8: Турнир дураков

Утро турнира началось с того, что Гийом не мог влезть в доспехи.

Не потому что доспехи были малы — они были в самый раз. Проблема была в том, что рыцарь, несмотря на все увещевания Гримо, всё-таки выпил вчера не «две трети кувшина», а четыре полных, плюс «чуть-чуть» медовухи, которую ему поднёс какой-то бродячий монах в таверне (Гримо подозревал, что монах был подослан Вальмором, но доказательств не было — в тринадцатом веке бродячие монахи с бесплатной выпивкой были так же распространены, как голуби на площади).

— Гримо... — простонал Гийом, сидя на кровати в исподнем, с лицом цвета несвежего сыра. — Мне кажется, демоны танцуют у меня в животе.

— Это не демоны, милорд. Это четыре кувшина эля и дрянная медовуха встретились в вашем желудке и устроили там крестовый поход друг против друга.

— Мне нужно... мне нужно...

Гримо молча поставил ведро. Следующие пять минут были наполнены звуками, которые невозможно описать в приличном обществе, но которые были абсолютно типичны для средневекового утра перед турниром.

Когда рыцарь наконец опустошил свой организм с обоих

концов (подробности опустим из уважения к читателю), Гримо приступил к облачению.

Надевание доспехов на средневекового рыцаря — это не просто процесс, это ритуал. Акеттон — стёганая куртка, которая защищает тело от натирания кольчугой. Потом кольчуга — двадцать килограммов железных колец, которые нужно натянуть через голову, как самый тяжёлый свитер в истории. Поножи. Наручи. Нагрудник. Наплечники. Шлем. На всё это уходило от двадцати минут до часа, в зависимости от степени похмелья рыцаря и степени терпения оруженосца.

У Гримо терпения было на десятерых. Его руки — короткие, кривые, покрытые мозолями — работали быстро и точно. Каждую пряжку, каждый ремень, каждое кольцо он затягивал с профессионализмом, который не вязался с его внешностью. В прошлой жизни он собирал снайперскую винтовку за тридцать секунд — здесь он собирал рыцаря за двадцать минут, что было рекордом даже по меркам опытных оруженосцев.

— Больно, — хныкнул Гийом, когда Гримо затянул нагрудник.

— Это потому, что вы растолстели за последний месяц, милорд. Но не волнуйтесь — после турнира я посажу вас на диету.

— Диету? Что это?

— Это когда вы едите только то, что я разрешу. И пьёте только воду.

— Звучит как пытка.

— Пытка — это когда копьё противника проходит через щель в вашем нагруднике, потому что он не застёгивается на вашем пузе. Диета — это просто неприятно.

Гийом побледнел (ещё больше, чем был) и втянул живот.

— Затягивай.

Когда облачение было завершено, Гримо отступил на шаг и оценил результат. Надо признать — в доспехах Гийом был великолепен. Природа не поскупилась на внешние данные: широкие плечи, длинные ноги, прямая спина. Кольчуга сияла (Гримо полировал её до трёх часов ночи), синий плащ с гербом Бомонов был чистым (Изольда постирала его в реке), а шлем — начищенный до зеркального блеска — сидел на голове рыцаря, как корона.

Проблема была внутри шлема.

— Гримо, — Гийом посмотрел на себя в отполированный щит, заменявший зеркало. — Я красив?

— Вы ослепительны, милорд. Настолько, что ваши противники, возможно, не захотят портить эту красоту копьём. Но на всякий случай — держите щит перед лицом.

— Это не по-рыцарски!

— Это по-живому, милорд.

Турнирное поле утром было совсем другим, чем вчера. Трибуны заполнились людьми — яркая, шумная толпа, раскрашенная во все цвета радуги. Знать сидела наверху, под шёлковыми навесами, обмахиваясь веерами и потягивая ви-

но из серебряных кубков. Простолюдины толпились внизу, за деревянными ограждениями, толкаясь и переругиваясь. Торговцы сновали между рядами, продавая пирожки, эль и сувениры (маленькие деревянные мечи для детей, которые стоили вдесятеро дороже, чем обычно).

Гримо изучал трибуну знати, как снайпер изучает поле через прицел.

Верхний ряд, центр: Королевский наместник — толстый, красный, в золотой цепи. Рядом — его жена, настолько увешанная драгоценностями, что при каждом движении звенела, как рождественская ёлка.

Верхний ряд, правый фланг: Герцог де Вальмор. В чёрном, как всегда. Рядом — сын Гуго, рука по-прежнему на перевязи. Не участвует, но наблюдает. Его глаза — такие же холодные, как у отца, но с добавлением молодой жестокости.

Верхний ряд, левый фланг: Маркиз де Сансерр. Старик с седой бородой и хитрыми глазами. Рядом с ним — молодая женщина. Дочь? Гримо присмотрелся.

И чуть не упал с ограждения.

Она была... нет, «красивая» — слишком простое слово. Она была тем типом женщины, при виде которой у мужчин отключается мозг и включается нечто гораздо более древнее и гораздо менее разумное. Тёмные волосы, собранные в сложную причёску. Кожа — бледная, безупречная (что в тринадцатом веке означало: она никогда не работала на солнце). Глаза — зелёные, большие, с длинными ресницами. И

платье — тёмно-красное, облегающее фигуру так, что можно было изучать анатомию без вскрытия.

Элеонора де Сансерр. Дочь маркиза. Гримо не знал её имени — он узнал его позже, — но уже сейчас его тактический мозг выдал предупреждение красным шрифтом. «УГРОЗА. Если Гийом увидит эту женщину, он потеряет остатки рассудка, что приведёт к катастрофическим последствиям. Вероятность: 100%».

Слишком поздно.

— О... БОЖЕ... — выдохнул Гийом, который только что вышел из шатра и случайно посмотрел в сторону трибун. Его челюсть отвисла так, что подбородок почти коснулся нагрудника. — Гримо... Гримо, ты видишь... ты видишь ЭТО?

— Вижу, милорд. И настоятельно рекомендую не видеть.

— Это... это ангел. Нет, это больше, чем ангел. Это... это смысл моей жизни, Гримо! Я чувствую, как мое сердце разрывается на части! Как моя душа воспаряет к небесам! Как мои чресла...

— Милорд! — Гримо схватил его за край плаща. — Ваши чресла подождут. Сейчас вам нужно сфокусироваться на том, чтобы не получить копьём в голову. А потом — потом — мы обсудим ваши чресла и их духовные потребности.

— Но она... кто она? Мне нужно узнать! Мне нужно посвятить ей свою победу!

— Это дочь маркиза де Сансерра. Одного из самых могущественных людей провинции. Который, между прочим,

может быть союзником Вальмора. Который, между прочим, хочет вас уничтожить. Милорд, послушайте меня — НЕ НАДО.

— Гримо, — Гийом положил тяжёлую руку на плечо горбуна (Гримо присел от веса), — любовь не знает границ. Любовь — это поле боя. И на этом поле...

— Вы непобедимы. Да, я знаю. Вы уже говорили. Про Марго. Которая чуть не сломала вам рёбра. Милорд, прошу — сначала турнир, потом безумие.

Гийом задумался. Кажется, образ Марго, ломающей рёбра, произвёл нужный эффект.

— Ладно. Сначала турнир. Потом — я покорю её сердце. «Или она покорит твою голову. Мечом своего папы», — подумал Гримо.

Жеребьёвка. Герольд вытягивал имена из кожаного мешка, определяя пары для первого круга. Гримо стоял за спиной Гийома и молился всем богам — старым, новым и выдуманым — о том, чтобы его идиоту достался слабый противник.

Боги, видимо, были в хорошем настроении. Или просто решили повеселиться.

— Сир Гийом де Бомон против сира Ренара де Пюизе! — объявил герольд.

Гримо быстро нашёл Ренара глазами. Невысокий, полноватый рыцарь лет сорока, с красным лицом и одышкой. Его доспехи были старыми и плохо подогнанными, а конь — доб-

родушной кобылой, которая выглядела так, будто предпочла бы щипать траву, а не участвовать в турнире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.